

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Руководитель магистерской программы

Председатель ГЭК,

«История» ВМ.5543.2014

д.ф.н. Николаев Н. В.

д.и.н., профессор Федоров С. Е.

_____ / _____ /

_____ / _____ /

***ВОЕННАЯ ЭЛИТА ГЕРМАНИИ В ЭГОДОКУМЕНТАХ И СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ
ТРАДИЦИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПРИМЕР ФАБИАНА ФОН ДОНЫ***

Диссертация

На соискание степени магистра по направлению 46.04.01 История

магистерская программа - «История»

Рецензент:

Выполнил

К.и.н., доцент

Студент

Ермаченко Игорь Олегович

Медведь Алексей Олегович

_____ (подпись)

_____ (подпись)

Работа представлена в комиссию

Научный руководитель:

« ____ » _____ 2016 г.

Д.и.н., профессор

Прокопьев Андрей Юрьевич

Секретарь комиссии:

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	3
§1 Цели и задачи исследования.....	7
§2 Эгодокументы и их место в исторической науке.....	8
§3 Общие труды по истории автобиографий и эгодокументов.....	16
§4 Немецкая историографическая традиция изучения эгодокументов.....	24
§5 Новые пути развития изучения автобиографий и эгодокументов.....	30
§6 Фабиан фон Дона: литература и источники.....	33
Глава №1.....	37
§7 Фабиан фон Дона: биография и родственные связи.....	37
§8 Ранние годы.....	44
§9 Военная и дипломатическая служба.....	50
§10 Участие в походах немецких протестантов во Францию.....	55
§11 Возвращение в Пруссию.....	60
Глава №2.....	69
§12 Автобиография Фабиан фон Дона: автор в тексте эгодокумента.....	69
Заключение.....	84
Список литературы и источников.....	88

Введение

Эгодокументы как исторические источники всегда представляли огромную ценность для историков. В них вполне оправданно стремились разглядеть не только картины общественного быта, но и авторизованный взгляд на различные явления эпохи. Успехи исторической антропологии и микроанализа социальных структур сегодня вновь и вновь возвращают ученых к, казалось бы, хорошо известным памятникам.

Говоря о мемуарах и автобиографиях раннего Нового времени как о жанре повествования, необходимо уяснить принципиально важные моменты построения произведений. Следует обратить внимание на то, что любые воспоминания, изложенные на бумаге, в понимании современного человека, стремятся воссоздать картину¹, соответствующую социальным нормам, которые могут быть подвержены сильной дифференциации². Мемуары XVI-XVII века построены несколько по-другому³: в них есть определенный стандарт, отражающий поведение персонажей или наиболее существенные для них деяния, а не ярко выраженная индивидуальность⁴. Всё это обуславливает отрывочность рассказов, недостаток внимания к личным волнениям, к духовной жизни героев⁵. Можно сказать, что субъективность источника уже сама по себе является источником, отражающим тот стиль восприятия жизни, который был свойственен авторам. Увеличение подобного рода произведений в немецких землях XVI-XVII веков весьма показательно

¹Nünning, A. Meta-autobiographien: Gattungsgedächtnis, Gattungskritik und Funktionen selbstreflexiver fiktionaler Autofiktionen, in: Parry / Platen, 2007, S. 27,28;

²Breuer, U., Sandberg, B. Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur, Bd. 1: Grenzen der Identität und der Fiktionalität, München 2004; S. 4,5;

³Schweikhart, G. Autobiographie und Selbstportrait in der Renaissance, Köln 1998; S. 13;

⁴Klein, C. Handbuch Biographie. Methoden, Traditionen, Theorien. Stuttgart, Weimar 2009; S. 37,38;

⁵Buck, A. Biographie und Autobiographie in der Renaissance, Wiesbaden 1983; S. 7,8,9;

(к примеру, биографии братьев Фрундсбергов)⁶. Отдельно взятая персона была интересна, прежде всего, как член корпорации⁷.

Исторические изыскания последних десятилетий обращают внимание на эгодокументы представителей военной элиты Священной Римской Империи раннего Нового времени. Характерно, что исследователи стали фокусировать внимание не на ярчайших представителях высшего сословия, а на среднестатистических выходцев из мелких дворянских корпораций, низших слоев населения эпохи Средних веков и раннего Нового времени⁸. Малоизученные документы вновь выходят на авансцену исторической науки – автобиографии, мемуары, записки, дневники, корреспонденция подвергаются тщательному анализу историков и рассматриваются в рамках актуальных направлений. Особенно отмечаются документы, в которых историк может проследить не только трансформации общественного уклада, социальные катаклизмы, но и изменения в мировоззрении автора, в канонах записей о себе.

В данном случае вызывает интерес автобиография представителя немецкой военной элиты, прусского дипломата, бургграфа Кёнигсберга Фабиана фон Доны, которая была создана в начале XVII века. Как и многие коллеги по сословию, во второй половине XVI века Дона начинал свой путь с обучения в городских гимназиях, поездок по знаковым местам Европы. Одним из главных достижений дворянина стало поступление на службу к знаменитым княжеским династиям Империи (к примеру – пфальцским Виттельсбахам и бранденбургским Гогенцоллернам). Отсутствие средств существования заставляло Фабиана и заниматься вербовкой наёмников для пфальцграфа Иоганна Казимира, и выступить на стороне польской короны в

⁶ *Reissner* Leben Frundsbergs. Frankfurt, 1620;

⁷ *Шушарин, Д. В.* Две Реформации. Очерки по истории Германии и России. М.: Дом интеллектуальной книги. 2000; С. 81-82.

⁸ *Зарецкий Ю. П.* Историки и автобиографии // В кн.: *Cogito*. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 322-324;

осаде Пскова 1581 года во время Ливонской войны. Тесные контакты с протестантской элитой помогли прусскому дворянину стать во главе военных экспедиций на помощь гугенотам в соседнюю Францию в 1587 и 1591 годах, которые не достигли поставленных целей. Военные неудачи Фабиан фон Дона с лихвой восполнял незаурядными коммуникативными способностями – последние десятилетия XVI века пфальцское курфюршество будет нуждаться в дипломатической службе выходца из Восточной Пруссии. После кончины дорогого и любимого господина Иоганна Казимира, Дона был приглашен ко двору бранденбургских курфюрстов Иоахима Фридриха и Иоганна Сигизмунда. В 1600 году дипломат полностью переключается на вопросы дальнейшего устройства прусского герцогства. Защищая интересы местной знати и протестантов, вступая в борьбу за независимость и самостоятельность региона, Фабиан фон Дона внёс ощутимый вклад в сохранение суверенитета и культурного наследия Пруссии⁹.

Персона Фабиана фон Доны – это продукт социальной и культурной среды немецких земель эпохи раннего Нового времени, так как через его жизненный путь прошел ряд значимых событий XVI-XVII вв.. Изучение эгодокументов, связанных с прусским дипломатом, позволит взглянуть от лица персонажа на реалии общественной жизни в Германии XVI-XVII вв., так же позволит сформировать представление о типичном или нетипичном в восприятии собственных деяний, описанных в тексте автобиографии. Объектом исследования выступает жизненный путь в зеркале самооценки и отношения с семейной корпорацией, коллегами, друзьями, а так же патронами через призму отдельных замечаний автора на страницах эгодокумента.

Верхняя граница хронологического отрезка изучаемого в работе определяется второй половиной XVI века, потому как именно в это время

⁹*Nissen, Werner*: Dohna, Fabian von. In: *Neue Deutsche Biographie (NDB)*. Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;

начинается жизненный путь героя мемуаров – Фабиана фон Доны. Во второй половине XVI века в Германии произошли заметные перемены: Реформация дала толчок общественному движению и разделила страну на два религиозных лагеря. Противостояния и социальные катаклизмы этой эпохи отразились как на судьбе Фабиана фон Доны, так и на его мировосприятии. Крайне важно предоставить подробный обзор биографии прусского дипломата, дабы сформировать представление о среде, в которой жил герой мемуаров. Нижняя граница определяется 1621 годом, так как к этому времени жизнь изучаемого персонажа подошла к концу.

Актуальность работы обусловлена тем, что проблема исследования авторизованных сочинений представителей мелкого дворянства Германии, остается не до конца изученной в отечественной науке. На современном этапе зарубежные научные изыскания, связанные с изучением эгодокументов западноевропейской сословной элиты раннего Нового времени, занимают ведущие позиции в мире исторической антропологии и новой социальной истории¹⁰. Подобного рода исторические источники всегда находились в центре внимания, однако всегда существовал огромный комплекс проблем исследования мемуаристики: типологизация, методология исследования.

§1. Цели и задачи исследования

¹⁰*Sikora, Michael* Der Adel in der Frühen Neuzeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 2009; *Schraut, Sylvia* Reichsadelige Selbstbehauptung zwischen standesgemäßer Lebensführung und reichskirchlichen Karrieren. In: Walter Demel: Adel und Adelskultur in Bayern (Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. Beiheft; 32). München: Beck 2008; *Buck, A.* Biographie und Autobiographie in der Renaissance, Wiesbaden 1983; *Schweikhart, G.* Autobiographie und Selbstportrait in der Renaissance, Köln 1998; *Schulze, Winfried*: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996.

Цель данной работы заключается в анализе восприятия собственного жизненного пути и структуры отношений с представителями дворянской корпорации в тексте эгодокументов представителя военной элиты Священной Римской Империи XVI-XVII вв. Цель работы определяет следующие задачи исследования. В первую очередь, рассмотреть проблему изучения эгодокументов от истории появления и первых попыток классификации до актуальных направлений работ современных исследователей. Следует дать подробный обзор биографии Фабиана фон Дона. Важно предоставить биографические данные главного героя мемуаров, так как без описания истории жизненного пути, текст источника будет являться вырванным из контекста. Самая основная задача исследования – выявить и охарактеризовать отдельные фрагменты в тексте эгодокумента, где автор оценивает собственные поступки и деяния, обосновывая свою позицию. Принципиально важно заметить, что самооценка как неотъемлемая составляющая автобиографических сочинений, в эпоху раннего Нового времени только начинает формироваться и обретать осязаемые черты. Другой немаловажной задачей является обзор структуры отношений, проведение радиусов близости между героем и окружением, а так же поиск взаимосвязей на основе текста документа.

Рассмотрим методику, с помощью которой будет производиться анализ восприятия событий, очевидцем которых являлся Фабиан фон Дона, а так же структурной социогаммы отношений в тексте источника:

1. Жизненный путь в зеркале самооценки. Как автор оценивает прожитый отрезок жизни, описанный в автобиографии? Почему отдельные отрывки богаты на рассуждения и оценки, а другие вовсе констатируют факты? Чем мотивирует автор свои поступки? Какую ответственность он несёт за совершенные деяния? Ставит ли автор перед собой задачу умалчивать отдельные эпизоды истории собственной жизни?

2. Радиусы близости. Отношения с родственниками, друзьями, патронами на основе текста документа: насколько близкими были эти связи? Какое место в автобиографии занимают описания родственных связей? Какими были отношения Фабиана фон Доны с друзьями и товарищами? В каком свете предстают патроны прусского дипломата на страницах документа?

В первую очередь, хотелось бы обратиться к проблеме изучения эгодокументов от истоков до современных вопросов и актуальных дискуссии на заданную тему.

§2. Эгодокументы и их место в исторической науке

Термин «автобиография» стал известен историкам на рубеже XVIII – XIX вв. Понятия «Мемуары» и «мемуарные произведения» фигурируют в европейских языках на рубеже XVI – XVII вв. Данные термины относятся к разновидности документальной литературы, которая повествует о реальных исторических событиях, в которых автор занимает места очевидца – человека над событиями. Историки в автобиографиях и мемуарах видели, прежде всего, историческое свидетельство, отличительной особенностью которого является характерная субъективность.

Взгляд на автобиографии как исторические источники начал зарождаться к середине XIX века, когда перед исследователями встал вопрос о достоверности и подлинности эгодокумента¹¹. Сторонники защиты автобиографии уделяли внимание ее уникальности, способности передать и прочувствовать «дух времени», возможности проникнуть во внутренний мир человека прошлого. Подобные идеи нашли отклик в работах философа Артура Шопенгауэра, а позднее и в трудах немецкого историка культуры Вильгельма Дильтея.

¹¹Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей /

Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 311;

Представления историков-позитивистов о ценности эгодокументов и автобиографий во второй половине XIX в. шли в разрез с точкой зрения философов и историков культуры. Безусловно, мемуары и жизнеописания являлись историческими источниками, которые изобиловали неточностями, ошибками и субъективными взглядами на события. Часто эти пробелы связывали с несовершенством свойств памяти человека. Такие мастодонты исторической науки как Леопольд фон Ранке видели пользу эгодокументов для истории – с их помощью можно проследить связи людей прошлого. Однако позитивисты предостерегали исследователей в работе с мемуарами и автобиографиями: нельзя позволить историку попасть в ловушку автора, который мог переключить внимание ученого на субъективные оценки исторических событий¹².

XX век открыл новую страницу в развитии исторических школ и течений. Катастрофа Первой мировой войны ознаменовала гибель традиционных устоев. Образование новых национальных государств, национальных исторических школ подтолкнуло новых исследователей отодвинуть на задний план политическую историю и обратиться к истории народных масс, а впоследствии к истории отдельных корпораций и социальных групп. Первая половина XX века известна историкам как время рождения социальной истории. Продолжение обсуждения темы эгодокументов и их места в исторической науке стало возможным с первыми успехами микроанализа и социальной антропологии. Западноевропейские исторические школы (как правило, немецкие и французские) стали широко использовать в своих научных изысканиях источники с авторизованным взглядом. Яркие представители поколений «Школы Анналов» и новой социальной истории задали тон последующим исследованиям – достаточно вспомнить немецких корифеев социальной истории Отто Бруннера¹³,

¹²Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 311;

Фолькера Пресса¹⁴ и Петера Морава¹⁵, которые брали на вооружение эгодокументы и на их основе изучали сословное общество, социальные институты, быт, представления о семье, воспитании и так далее.

Интерес к изучению автобиографий и мемуаров полным ходом набирал обороты в 60-70-ые гг. XX века. Подтверждением данного тезиса может стать монография Роя Пэскала «Замысел и правда в автобиографии»¹⁶, которая была выпущена в 1960 году. Вопрос о «правдивости» автобиографии учёный рассматривал как понятие, которое включало в себя не только обыденные измерения (фактическое и моральное), но ещё и психологический анализ. Пэскал отодвинул на второй план привычное понятие автобиографии как реконструкции автором своего прошлого, но сконцентрировал внимание на интерпретации, обусловленной задачей самопознания. В конечном счете интерпретацией, раскрывая сокрытые от посторонних факты и связи, автор описывает собственную систему ценностей и индивидуальный образ. По мнению ученого, именно в подобном ключе работы с эгодокументом можно продемонстрировать повседневность человека в данную эпоху.

Современные подходы к осмыслению автобиографических свидетельств, которые появились в последние десятилетия XX века, сделали совершенно неактуальным вопрос о дихотомии «правды-вымысла» в данном виде исторических документов. С появлением постмодернистской теории акцент стал переноситься в сторону изучения восприятия нарратива читателем. Категории «правдивости» или «исторической достоверности»,

¹³Brunner, Otto Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmhards von Hohberg 1612-1688. Salzburg, 1949;

¹⁴Press, V. Kaiser Karl V, König Ferdinand und die Entstehung der Reichsritterschaft. Wiesbaden, 1976.

¹⁵Moraw, P. Personenforschung und deutsches Königtum // ZHF. 1975. Bd. 2.;

¹⁶Pascal R. Design and Truth in Autobiography. L., 1960.;

применимые к мемуарам и автобиографиям, просто вышли из употребления в исторической науке¹⁷.

Горячие дискуссии между сторонниками различных подходов к изучению эгодокументов не утихают. На современном этапе возможно проследить достаточно радикальные точки зрения – говорить об автобиографиях и мемуарах как исторических источниках нецелесообразно. Однако историческая наука вновь и вновь возвращается к известным автобиографическим свидетельствам. Учёные продолжают искать новые методы и подходы, задавать новые вопросы, заниматься интерпретацией крайне ценного материала. Специфика исследований такова, что историк-профессионал работает не с абстрактными категориями, а с конкретными текстами и группами письменных источников, которые могут быть схожи по формальным признакам, однако принципиально различаться по своей исторической роли и значению.

Вопрос о классификации мемуарно-автобиографических документов имеет основательную историю. Как ни странно попытки собрать определенную группу источников начались вместе с рождением самого термина «автобиографии». Достаточно вспомнить одного из ведущих деятелей эпохи Просвещения Иоганна Готфрида Гердера, который чётко отделял «жизнеописания» от «исповедей». В XIX веке свою классификацию эгодокументов представил известный немецкий историк Фридрих фон Бецольд. По мнению ученого, мемуары показывали человека над событиями, который приводит оценочные суждения, а автобиографии раскрывали внутренний мир и субъективные взгляды автора.

На заре прошлого века выглядело новаторским решением вопроса о классификации эгодокументов в работах Анны Робесон Бурр. Исследователь рассматривала совокупность авторизованных текстов, пытаясь в них найти

¹⁷Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей /

общие черты, а так же выявить смысловое единство. Главным трудом историка стала монография «Автобиография: Критическое и сравнительное исследование»¹⁸, которая включала в себя анализ около 260 эгодокументов, хронологические рамки которых определяются от античной эпохи до начала XX века. Анны Робесон Бурр анализировала письменные источники, сопоставляя их между собой – по национальному, профессиональному, гендерному принципам. Главным достижением монографии стало появление в истории жизнеописаний трёх отдельных типов: совершенно полярные «Исповеди» Аврелия Августина и Жан Жака Руссо, а так же хрестоматийные «Записки» Цезаря. Однако такая классификация эгодокументов устроила далеко не всех. Исследователи сочли систематизацию Анны Роберсон Бурр неработоспособной. Для изучения авторизованных сочинений необходимо учитывать детали: язык, культурная среда, эпоха, социальная принадлежность автора и т.д.¹⁹.

Огромный пласт эгодокументов в историографических штудиях рассматривается на предмет принадлежности к определенному временному промежутку. Начиная с самых ранних эпох Античности и Средневековья до Новейшего времени. Для историков ценным является наиболее ранний материал – записки, корреспонденция. Крайне популярны попытки поиска авторского начала в хрониках, анналах и летописях. Современные эгодокументы и автобиографии вызывают больший интерес у литературоведов и филологов, нежели чем у представителей исторической науки.

Античность оставила миру ряд личных свидетельств, которые вполне оправданно можно отнести к автобиографиям и эгодокументам. Ряд исследователей полагают, что античная эпоха разработала совокупность матриц эгодокументов, которые оказали огромное влияние на дальнейшее

¹⁸ Burr A. R. The Autobiography: A Critical and Comparative Study. Boston; NY, 1909.;

¹⁹ Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 316.;

развитие жанра автобиографий. В целой плеяде сочинений Платона²⁰, Исократа²¹, Цезаря²², Галена, Марка Аврелия²³, предисловиях Цицерона, историческая наука могла совершенно оправданно разглядеть зачатки появления авторизированных нарративных источников, которые в дальнейшем определили развитие автобиографий и мемуарной литературы.

Роль автобиографических сочинений в средневековой культуре связана, прежде всего, с христианским персонализмом. Люди средневековья постоянно стремились достичь вечного блаженства, при этом периодически сравнивая свои собственные деяния с заповедями Евангелия. Традиционно историки считают богословский трактат Святого Августина «Исповедь»²⁴ первой попыткой создания автобиографии. К зарождению мемуарной литературы средневековья причастны сочинения Ратхера Веронского, Сугерия²⁵, Салимбене де Парма²⁶ и, безусловно, Пьера Абеляра²⁷.

²⁰ Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). — М.: Мысль. Т. 1, 3. 1990-1993;

²¹ Полный перевод: Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. - М., 2012. - 1072 С.;

²² Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Под ред. И.И. Толстого. М., 1993;

²³ Марк Аврелий. К себе самому. / Пер. В. Б. Черниговского. М., Алетея-Новый акрополь, 1998. 224 С.

²⁴ Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Вступит. статья А. А. Столярова. — М.: «Ренессанс», СП ИВО - Сид, 1991. - 488 С.

²⁵ Sugerii abbatis Sancti Dionysii Liber de re administratione sua gestis // Ibid. Col. 1211-1240.

²⁶ Салимбене де Адам. Хроника. Пер. с лат. И. С. Култышевой, С. С. Прокопович, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. Статьи О. Ф. Кудрявцева, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. Сост. В. Д. Савуковой. М.: РОССПЭН, 2004. 984 С.;

²⁷ Петр Абеляр. История моих бедствий / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной ; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 2011. — 125 С.;

Всплеск популярности жанра жизнеописаний приходится на эпоху Возрождения и раннего Нового времени. Новый культурный импульс дала Италия – с XIV века на родине Ренессанса мы можем рассмотреть внушительное количество текстов, в которых первопроходцы гуманистической мысли, деятели изобразительного искусства оставляют сведения о своей жизни. В данном случае стоит вспомнить произведения Франческо Петрарки «Моя тайна» и «Письмо к потомкам», «Счет жизни» Джованни Конверсини да Равенна, «Жизнеописание» Леона Баттисты Альберти, «О моей жизни» Джероламо Кардано, «Жизнь» Бенвенуто Челлини и многие другие. Мода на создание собственных автобиографических свидетельств захлестнула не только ученых и творческих людей, а так же купцов, предпринимателей и военную элиту. Дневники, записки, домашние хроники пополняют фамильные архивы не только жителей Аппенинского полуострова, но и подданных Священной Римской Империи и французской короны. Гуманизм и Реформация со свойственной им антропоцентричностью, дали ощутимый толчок становлению автобиографий и мемуарной литературы. В XVI–XVII веках происходит формирование новых направлений. На авансцену выходят мемуары видных представителей знатного сословия, чей жизненный путь, безусловно, должен был оказаться на бумаге. Речь идет о жизнеописаниях героев немецкого неоромантизма: братьях Фрундсбергах²⁸, знаменитом рыцаре-разбойнике Гёце фон Берлихингене²⁹ и прославленном военном руководителе Шмалькальденского союза Себастьяне Шертлине фон Буртенбахе³⁰. Порождением конфессиональной напряженности в Европе

²⁸Adam Reißner: Historia Herrn Georgen vnnnd Herrn Casparn von Frundsberg, Vatters vnd Sons, Frankfurt am Main, 1568;

²⁹Ulmschneider, Helgard: Götz von Berlichingen: Mein Fehd und Handlungen, Sigmaringen, 1981.;

³⁰Leben und Taten des weiland wohledlen und gestrengen Herrn Sebastian Schertlin von Burtenbach: Durch ihn selbst dt. Beschrieben. 1852;

стали духовные жизнеописания Игнасио Лойолы³¹, Терезы Авильской³², Якоба Андреэ³³, Варфоломея Састрова³⁴. Мемуары и эгодокументы позднего Средневековья и раннего Нового времени предвосхитили появления нового понятия терминов «автобиография» и «мемуарная литература».

Бурно развивающаяся индивидуалистическая культура Европы эпохи Нового и Новейшего времени стала новым этапом в становлении жанра автобиографий и эгодокументов. Хрестоматийным образцом «нового» типа жизнеописаний и по сей день является «Исповедь» Жан-Жака Руссо³⁵. Со второй половины XVIII века создатели автобиографических сочинений начинают делать акцент на неповторимости и нетипичности жизненного пути³⁶. Эпоха Просвещения предложила авторам идею нового самовосприятия. Внутренний мир создателя эгодокумента стал более закрытым и интимным – это было связано с постепенным зарождением представлений о существовании в персоне скрытого элемента, собственного «Я».

31¹ *Св. Игнатий Лойола: Рассказ паломника о своей жизни, или Автобиография.* —

Москва: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002;

32¹ *Teresa von Ávila: Das Buch meines Lebens.* Herder, Freiburg 2001, 8. Auflage. 2013:

übersetzt und herausgegeben von U. Dobhan, E. Peeters. (Gesammelte Werke Band 1), ISBN 978-3-451-05211-8 (Memento vom 27. Mai 2014 im Internet Archive));

33¹ Жизнь Якова Андреэ, доктора теологии, описанная им самим с большой

достоверностью и искренностью вплоть до 1562 г. от Рождества Христова // Память детства: Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III—XVI вв.) / Под ред. В. Г. Безрогова. М.: Изд-во УРАО, 2001;

34¹ *Састров В. фон. Рассказы о жизни / Пер. Е. Казбековой // Память детства:*

Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III--XVI вв.);

35¹ *Руссо Ж.-Ж.: Избранные сочинения.* М., 1961;

36¹ *Зарецкий Ю. П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. Т. 58. № 2. С. 231.*

§3. Общие труды по истории автобиографии и эгодокументов

В начале XX века задал тон новому осмыслению термина автобиография поистине титанический труд ученика Вильгельма Дильтея, историка и философа Георга Миша, под названием «История автобиографии»³⁷. Во многом из-за большого объема и широкого диапазона работы с эгодокументами этот четырёхтомник до сих пор остается хрестоматийным путеводителем по огромному количеству авторизованных свидетельств. От истории древнеегипетских царств до начала прошлого столетия. Главные тезисы которые выносит из своего труда Георг Миш всеобъемлющи и глобальны: термин «автобиография» может быть применим в практически любой исторической эпохе. Так же сам документ рассматривается не как источник совершенно отдельного типа, а как часть процесса становления индивидуализма человеческой личности, ярко отразившегося в Западной Европе.

Автор подчеркивает значимость автобиографии как форму, в которой человек начинает осознавать свою жизнь и пройденный путь. Развитие людского самосознания коррелирует с процессом истории развития и становления жанра мемуаров и жизнеописаний. И, безусловно, самосознание связано с эпохой, личностью и средой, в которой находится герой собственной истории. Таким образом, путь развития автобиографических сочинений свидетельствует об изменениях в общей системе индивидуального самосознания от одного периода к другому.

Для встраивания в панораму из форм автобиографических сочинений, Миш использует модель Якоба Буркхардта, так называемую «модель открытия человека», однако исследователь не акцентирует всё внимание на эпохе Возрождения, как поворотном периоде «открытия» личности. Георг Миш полагает, что в данном аспекте Ренессанс не является одномоментным эпизодом истории Европы. Кроме Возрождения автор выделяет подобные

³⁷Misch, G. Geschichte der Autobiographie. M. 1969. 4 Bde;

процессы в библейской и античной традициях. Хотя Миш и признает их менее значимыми по отношению к Ренессансу.

Обстоятельно немецкий исследователь подошел к изучению европейских автобиографических сочинений Средневековья и раннего Нового времени, посвятив этим документам два тома своей работы. Проведя анализ авторизованных рассказов эпохи Средних веков, Георг Миш отмечает крайне туманное изображение личности, огромное количество биографических штампов, которые часто используют авторы. Ощутимые трансформации в обретении описаний индивидуальности происходят, по мнению немецкого историка, только в эпоху Возрождения. Тон изменениям задает Франческо Петрарка. Рассмотреть досконально эволюцию мемуаров и эгодокументов вплоть до XIX века исследователю так и не удалось.

Немаловажной для исследования автобиографических сочинений может по праву считаться работа Карла Вайнтрауба под названием «Роль индивида: личность и обстоятельства в автобиографии»³⁸. Тезис о автобиографии как об основном источнике по развитию человеческого самосознания той или иной эпохи во многом повторяет концепцию Георга Миша. Согласно Вайнтраубу, индивидуальность человека существовала веками, но «бум индивидуализации» приходится на Ренессансную эпоху. Пройдя ряд изменений, на заре XIX века индивидуальность стало неотъемлемой частью современной личности. Главной задачей труда, по мнению автора, являлось рассмотрение наиболее важных факторов, которые могли повлиять на зарождения современного понимания индивидуальности человека. То есть, процесс познания исключительности собственного жизненного пути³⁹.

³⁸Weintraub K. J. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago; London, 1978.;

³⁹Weintraub K. J. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago; London, 1978.P. 74.;

В целом, анализ авторизованных документов Вайнтрауба очень схож с анализом, который провел в своем труде Георг Миш. Выводы исследователя перекликаются с заключениями ученика Дильтея. Средневековье не давало человеческому «Я» развиваться, но был подготовлен плацдарм для более позднего рождения индивидуальности. Отдельные фрагменты выходят уже в эпоху Возрождения, однако полное формирование индивидуалистической личности выпадает на XVIII век. Подход Карла Вайнтрауба в высшей степени традиционный: современные концепты и понятия «индивида», «личности», «Я» отправляются в исторические эпохи, дабы усмотреть их истоки в авторизованных текстах.

Менее амбициозное, но более узкоспециализированное исследование Майкла Масуха «Происхождение индивидуалистического Я. Автобиография и самоидентичность в Англии, 1591-1791»⁴⁰ оказалось наиболее теоретически обеспеченным, чем работы его предшественников. Главной задачей Масух видит изучение основ «современной автобиографической практики», а так же описание истоков зарождения индивидуалистической личности. Исследователь определяет самоидентификацию как крайне необходимую составляющую существования индивида. Не смотря на широкую дифференциацию форм, автобиография – это «транскультурный» и «трансисторический» феномен, который выступает всеобъемлющим элементом сосуществования личностей в социуме⁴¹. При многообразии форм автобиографических сочинений, будет уместен разговор лишь об обобщенных эпистемах самоидентификации, которые могут соответствовать контекстам социальной и культурной сфер. Первостепенная задача исследователя – обнаружить способы, с помощью которых на английской земле Нового времени «самоидентификации» трансформировались в

⁴⁰Mascuch M. *Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791*. Stanford, 1996.;

⁴¹Mascuch M. *Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791*. Stanford, 1996., P. 23.

сочинения о собственной жизни. Для читателя понятие «автобиографии» соизмеримо с социальной практикой, в которой на протяжении разных временных отрезков применяются те или иные дискурсивные традиции. Автор указывает, что анализ автобиографий и эгодокументов с теоретической точки зрения крайне сложен. Одно из главных преимуществ Майкла Масуха как исследователя в том, что он продолжает поддерживать идею изучения автобиографий и мемуаристики, отстаивая их первостепенную важность для современного гуманитарного знания.

В духе последних десятилетий XX века было развитие интереса к изучению эгодокументов, автобиографий и их теоретическим проблемам. Как правило, возникали оживленные дискуссии в кругах историков культуры и литературоведов. Представителей социальной истории подобные научные споры по большей части не занимали. Эгодокументы – это инструмент, который приоткрывает завесу тайны над основными сферами жизни человека прошлого. Через изучение авторизованных сочинений возможно не только узнать отдельные фрагменты исторических событий, но и рассмотреть основные институты и сословные корпорации через призму восприятия отдельно взятого персонажа. Первые попытки теоретического обоснования изучения эгодокументов и автобиографии, а так же первые шаги в поиске новой методологии в работе с авторизованными источниками стали появляться лишь к концу XX – началу XXI века. В немецкой историографии данные вопросы стали подниматься видными деятелями новой социальной истории, социальной антропологии и литературоведения – Винфридом

Шульце⁴², Иоганнесом Фридом⁴³, Катей Патцель-Мэттерн⁴⁴, Ансгаром Нюннингом⁴⁵, Клеменсом Вишерманном⁴⁶, Алоизом Винтерлингом⁴⁷.

Толчок к изучению теоретических проблем автобиографических текстов был дан в 1975 году. Французский литературовед и историк Филипп Лежён предложил миру универсальное определение, которое получило достаточно широкую известность. Термин трактовался исследователем следующим образом – это «ретроспективное повествование в прозе, которое ведет какой-нибудь реальный человек о своем собственном бытии, с особым акцентом на своей индивидуальной жизни, в частности, на истории своей личности»⁴⁸. Такое определение не смогло избежать волн критики со стороны не только оппонентов, но и со стороны создателя. В основном исследователь подвергся нападкам за употребление таких формулировок, как «реальный человек», описание «своего собственного бытия». Таким образом, Лежён подчеркнул тезис об изображении автобиографией объективного, подлинного жизненного пути создателя мемуарного произведения. Нарекания вызвали и западнцентристские позиции исследователя, который

⁴²*Schulze, Winfried: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte?*

Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996. S. 11-30;

⁴³*Fried, Johannes: Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik.* Beck, München 2004;

⁴⁴*Patzel-Mattern, Katja: Geschichte im Zeichen der Erinnerung. Subjektivität und kulturwissenschaftliche Theoriebildung (= Studien zur Geschichte des Alltags. Band 19).* Steiner, Stuttgart. 2002;

⁴⁵*Nünning, Ansgar; Nünning, Vera (Hrsg.): Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven,* Metzler, Stuttgart. 2003;

⁴⁶*Wischermann, Clemens (Hrsg.): Die Legitimität der Erinnerung und die Geschichtswissenschaft / Clemens Wischermann (Hrsg.).* Steiner, Stuttgart. 1996;

⁴⁷*Winterling, Aloys: Historische Anthropologie (= Basistexte, Band 1).* Steiner, Stuttgart 2006,

⁴⁸*Lejeune, Ph.: Le pacte autobiographique.* Paris, 1975., P. 14.

рассматривал термин автобиография на основе только западноевропейских текстов. Хронологические рамки нарративных источников, выбранных Леженом, не выходят за пределы эпохи Нового времени. В труде игнорируется вопрос о статусе автобиографий в традиционных культурах, которые не приняли понятие индивидуалистического «Я»⁴⁹.

Тем не менее, сам вклад Филиппа Лежёна в дело изучения автобиографий оказался востребованным в гуманитарных дисциплинах. Популярность в научных кругах труда французского историка была связана со смещением акцента внимания с героя собственной истории на читателя рукописного текста. Так называемое «автобиографическое соглашение», изобретенное исследователем, фактически внедряло читателя во внутренний мир жизнеописания. Ведь именно от него зависят всевозможные автобиографические смыслы. Ещё одним главным достижением труда ученого стало восприятие автобиографии как отдельного явления в социальной практике.

Одновременно с Лежёном в дискуссию вступил Жорж Гюсдорф, который отказался рассматривать автобиографические сочинения как жанр литературы, а, прежде всего, как феномен культурной истории Западной Европы. Исследователь выступил с целым фронтом работ и основательной статьей «Условия и границы автобиографии»⁵⁰, где была обоснована концепция «исторической изменчивости автобиографизма»⁵¹. Жорж Гюсдорф подчеркнул «иллюзорность» подхода Георга Миша. Появление

⁴⁹Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 317;

⁵⁰Gusdorf, G.: Conditions and Limits of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. by J. Olney. Princeton, 1980. P. 28-48; Idem. De l'autobiographie initiatique a l'autobiographie genre litteraire // Revue d'Histoire litteraire de la France. 1975. No 6; Idem. Auto-bio-graphie. Paris, 1991.;

⁵¹Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 318-319;

авторизованных сочинений обусловлено рождением в западной цивилизации восприятия человеком собственной жизни, фактически – осознания её оригинальности. Рождение восприятия собственного «Я» исследователь возвел к поворотным историческим явлениям: коперникианская революция, изобретение венецианского зеркала, христианская традиция самоанализа. Гюсдорф в корне был не согласен с тезисом Лежёна о том, что «автобиография» – порождение сугубо традиции Нового времени. Таким образом, подобные взгляды фактически заставляют отодвигать на второй план огромный пласт рассказов о себе людей Средневековья и Ренессанса.

Представитель англо-американской исторической школы Джеймс Олни пришел к выводу, что создать соответствующее всем нормам определение автобиографии фактически невозможно. Олни подчеркивает: «Автобиография как предмет исследования производит больше вопросов, чем ответов, гораздо больше сомнений (включая даже само существование предмета), чем определенностей»⁵². Исследователь предложил отойти от жанровых проблем и ввести понятие автобиографического текста как единство трех постоянно изменяющихся составляющих: «*autos* (Я), *bios* (жизнь), *andgraphè* (письмо)»⁵³.

Поколение исследователей 80-х – 90-х годов окончательно и бесповоротно рвет с традиционными методами осмысления автобиографии. Автобиографический нарратив принял форму «словесного артефакта» под влиянием «лингвистического поворота», претендующего на отражение объективного взгляда автора и его жизни. Отдельные исследователи создавали, так называемые, декларации о «смерти автора», которые, в

⁵² Olney J. *Autobiography and the Cultural Moment* // *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* / Ed. J. Olney. Princeton, 1980. P. 3.;

⁵³ Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: *Cogito. Альманах истории идей* / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 311-324;

конечном счете, логично переходили в декларации о «конце автобиографии»⁵⁴.

Дискуссии последних лет обратили внимание на наиболее спорную проблему автобиографического субъекта. Достижения в области гуманитарных наук достаточно остро поставили под вопрос цельность субъекта авторизованных текстов. Первый план заняла необходимость проведения четких границ между понятиями «автор», «писатель», «рассказчик», «пишущий», «главный герой». Перед исследователями появилась проблема отношений между автобиографическим повествованием и «исторической действительностью». Построение автобиографического нарратива определяют, по большей части, не исторические события, которые в действительности произошли, а языковые нормы и особые матрицы. Приверженцы подобного подхода заявили о бесперспективности поиска субъекта вне авторизованного текста. Фактически, структурирование субъективности происходит в процессе производства автобиографических смыслов. Эпилогом дискуссий о проблемах автобиографического субъекта вполне может считаться риторический вопрос философа бельгийского происхождения Поля де Манна: «Мы считаем, что жизнь производит автобиографию наподобие действия, производящего его следствие, но не можем ли мы допустить, с той же степенью достоверности, что автобиографический проект может сам произвести и определить жизнь?»⁵⁵.

54 [□]*Sprinker M.* Fictions of the Self: The End of Autobiography // *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* / Ed. by J.Olney. Princeton, 1980. P. 321-342;

55 [□]*Man P. de.* Autobiography as De-facement / *Modern Language Notes* 1979. Vol. 94. P. 920;

§4. Немецкая историографическая традиция изучения эгодокументов

В данном разделе хотелось бы упомянуть первые успехи в изучении эгодокументов немецких исследователей. Историческая наука Германии стала вновь обращаться к теоретико-методологическим проблемам исследования авторизованных текстов только к 1980-1990 годам. До этого – мы можем наблюдать достаточно внушительное количество исторических трудов, в основе которых лежала критика источника – как правило, нарратива личного характера.

Во второй половине XX столетия немецкая историческая наука продолжает идти по пути развития социальной истории и социальной антропологии. При этом немалую роль в изучении сословных институтов Священной Римской Империи раннего Нового времени играют эгодокументы. Востребованность авторизованных сочинений и корреспонденции в развитии социальной истории увеличивается с каждым десятилетием. Об этом свидетельствует работа родоначальника социальной истории Отто Бруннера под названием «Сельская жизнь дворянина и европейский дух. Жизнь и труд Вольфа Хельмардса фон Хохберга 1612-1688»⁵⁶. Проведя анализ произведения барона Хохберга «Энциклопедия сельского хозяйства», который повествует о сельской жизни дворянства XVI-XVII вв. На основе изучения авторизованного труда барона, историк пришел к заключению, что представления о семье мало изменились со времен античности. Детальный обзор своеобразного «домостроя» дворянской семьи выявляет представления о воспитании, власти, религии, ведении хозяйства.

Развитию направления дали импульс в 70-х годах XX века Фолькер Пресс и Петер Морав. Эти исследователи предложили заниматься изучением сословного общества. В рамках сословного общества историки занимались

⁵⁶*Brunner, Otto* Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmhards von Hohberg 1612-1688. Salzburg ,1949;

исследованием имперских институтов власти через историю людей, задействованных в этих институтах. В качестве примера следует привести работу Фолькера Пресса «Император Карл V, король Фердинанд и рождение имперского рыцарства»⁵⁷ и работу Петера Морава «Исследование персон и немецкая королевская власть»⁵⁸. Исследовательский опыт этих ученых определил дальнейшее развитие социальной истории в Германии. Петер Морав в своем исследовании обратил внимание на изучение социального состава в институтах власти. Автор поставил задачу исследовать королевскую власть в Империи XIV-XV вв. через историю людей, которые были непосредственно связаны с аппаратом власти. В работе об имперском рыцарстве, Фолькер Пресс обращается к ранней истории этой социальной группы мелкого дворянства. Работая с источниками, историк не нашел ни одного достоверного документа первой половины XVI в., подтверждающего существование привилегированной прослойки рыцарства. Само создание этой корпорации с определенным правовым статусом, автор связывает с появлением во второй четверти XVI века группы людей знатного сословия, которые стали буфером между могущественными князьями и мелким дворянством. Пресс особо выделяет желание императора Карла V организовать группу напрямую подчиненных ему подданных, как ответную реакцию на Шмалькальденский союз. Во всех своих научных изысканиях представители социальной истории с успехом применяли эгодокументы и произведения социо-культурной традиции Германии раннего Нового времени.

Тема изучения структур общественной жизни и властных институтов Священной Римской Империи не перестает быть актуальной. И вместе с ней растёт число научных трудов и монографий по изучению документов личного характера. Фактически, существует связь между исследованием различных

57^{Press, V. Kaiser Karl V, König Ferdinand und die Entstehung der Reichsritterschaft.}

Wiesbaden, 1976.;

58^{Moraw, P. Personenforschung und deutsches Königtum // ZHF. 1975. Bd. 2.;}

сфер социума раннего Нового времени и изучением автобиографических нарративов и других эгодокументов эпохи. Исходя из этого, совершенно не случайно приоритетными направлениями в немецкой исторической науке являются:

1. Изучение проблем мелкого дворянства⁵⁹, различные аспекты организации в условиях имперско-рыцарских кантонов XVI-XVII вв.⁶⁰, феномен имперского рыцарства, герои немецкого неоромантизма⁶¹;

2. Изучения вопросов национального самосознания и ментальности в истории Священной Римской Империи⁶²;

3. Изучение истории правящих домов⁶³;

4. Изучение истории общественных конфликтов и кризисов нового времени: Реформацию, религиозные войны, Тридцатилетнюю войну⁶⁴.

⁵⁹*Schneider, Joachim* Spätmittelalterlicher deutscher Niederadel. Ein landschaftlicher Vergleich. Stuttgart 2003.

⁶⁰*Ulrichs Cord* Vom Lehnshof zur Reichsritterschaft – Strukturen des fränkischen Niederadels am Übergang vom späten Mittelalter zur frühen Neuzeit Stuttgart 1997; *Endres Rudolf* Der Fränkische Reichskreis, Haus der bayerischen Geschichte, Heft 29/03, Augsburg 2004;

⁶¹*Hanna, Georg-Wilhelm* Die Ritteradligen von Hutten, ihre soziale Stellung in Kirche und Staat bis zum Ende des Alten Reiches. Ministerialität, Macht und Mediatisierung. Hanau, 2007; *Schauder, Karlheinz* Franz von Sickingen. Institut für pfälzische Geschichte und Volkskunde, Kaiserslautern 2006

⁶²*Blickle, Peter* Von der Leibeigenschaft zu den Menschenrechten. Eine Geschichte der Freiheit in Deutschland. München, 2006;

⁶³*Heicker, Dino* Die Hohenzollern: Geschichte einer Dynastie., Berlin, 2012; *Holzfurtner, Ludwig* Die Wittelsbacher. Staat und Dynastie in acht Jahrhunderten. Stuttgart, 2005; *Pieper, Dietmar, Saltzwedel, Johannes* Die Welt der Habsburger: Glanz und Tragik eines europäischen Herrscherhauses., Hamburg, 2010; *Hoensch, Jörg K.* Die Luxemburger. Eine spätmittelalterliche Dynastie gesamteuropäischer Bedeutung 1308–1437. Stuttgart 2000.

⁶⁴*Brendle, Franz, Schindling, Anton*: Religionskriege im Alten Reich und in Alteuropa, Münster, 2006; *Kamber, Peter* Reformation als bäuerliche Revolution. Bildersturm, Klosterbesetzungen und Kampf gegen die Leibeigenschaft in Zürich zur Zeit der Reformation

Безусловно, автобиографии, эгодокументы, дневники и корреспонденция играют значительную роль в исторических исследованиях как полноценные источники. Построением теории и поисками методов работы занялись ученые не сразу. Одним из первых, кто обратил внимание на изучение подходов к работе с эгодокументами, был немецкий историк Винфрид Шульце. В 1996 году публикуется его статья «Эго-документы: приближение человека к истории?»⁶⁵, которая была подготовлена для конференции по проблемам изучения эгодокументов и авторизованных текстов. Исследователь подчеркивает заметно возросший интерес к заданной теме дискуссии, а так же актуальность изречений Люсьена Февра и Марка Блока⁶⁶. Шульце настаивает на более внимательном отношении к терминологическому аппарату, а так же к самой концепции эгодокумента. Пальмовая ветвь первенства в осмыслении проблем автобиографий и эгодокументов, по мнению автора, принадлежит голландским учёным. Именно нидерландские учёные запускают новый виток в развитии изучения автобиографических текстов в 70-х годах XX века. В обзоре исторического развития жанра автобиографий и мемуарной литературы, Винфрид Шульце акцентирует внимание на авторизованном нарративе раннего Нового времени. Появление подобного рода произведений в XVI-XVIII веках исследователь связывает с конфессиональными изменениями, указывая на влияние пуританизма и пиетизма. К примеру, в Испании 60-х годов XVI века количество эгодокументов возрастает в связи с требованиями суда

(1522–1525)., Zürich, 2009; *Schmidt, Georg* Der Dreißigjährige Krieg. Beck, München, 2003;

⁶⁵*Schulze, Winfried*: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996. S. 11-30;

⁶⁶*Schulze, Winfried*: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996. S. 11-12;

инквизиции предоставлять информацию о семье и религиозных взглядах подсудимого⁶⁷. Катализатором увеличения письменных свидетельств о себе становятся практически любые социальные кризисы и катастрофы (будь то войны, перевороты, землетрясения, эпидемии). Историк подчеркивает, что эпоха Средневековья и раннего Нового времени дала сформироваться автобиографическим текстам как жанру, предоставив не только новые литературные модели, но и конкретные социальные условия, импульсы и требования. Они варьируются от повышения навыков письма и грамотности в сфере торговли и управления до прогрессивной профессиональной дифференциации и новой социальной мобильности, за счет появления внутреннего пространства личности как необходимого аналога системы абсолютистского государства, где послушание подданных было крайне востребованным. Разработка новой классификации источников и методологии исследования эгодокументов поможет решить следующие вопросы:

1. Вопрос о достигаемости «социального познания» в обществе раннего Нового времени;
2. Вопрос о восприятии реальных изменений социальных позиций, которые дают характеристику эпохи;
3. Вопрос о совести и мышлении человека административного аппарата со времен Реформации;
4. Вопрос о становлении индивидуалистического мышления в раннее Новое время;
5. Вопрос о менталитете человека раннего Нового времени;

⁶⁷ Schulze, Winfried: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996., S. 18;

Уже в начале XXI века медиевист Иоганнес Фрид взглянул на изучение эгодокументов несколько под другим углом. Его работа «Завеса памяти: принципы исторической памяти»⁶⁸ была посвящена социологии забвения. Историк тщательно рассматривает те факторы, которые гарантируют, что память не является подлинным образом прошлого. Ученый рассматривает 4 случая ненадежных свидетельств эпохи Средневековья и Античности. «Воспоминание – это современность, ни в коем случае не прошлое. Они – творения, структурные компоненты»⁶⁹. В данном контексте, историческая память – это цельная структура, которая формируется при помощи культурной социализации, языковой среды, мировосприятия. Следовательно, восприятие прошлого у человека со временем деформируется⁷⁰. Историк дает понять, что следует с осторожностью относиться к эгодокументам. Так же он призывает начать процесс переоценки письменных источников Средневековья, прежде всего – личных свидетельств⁷¹. Основная идея труда Иоганнеса Фрида заключается в новом прочтении нарративных свидетельств, детальном анализе, применяя междисциплинарные методы работы с источником.

Дискуссии о значимости эгодокументов в немецкой исторической науке не прекращаются. Тема изучения мемуаристики и личных свидетельств набирает популярность в среде историков и культурологов. К сожалению, не так широко представлены труды посвященные изучению автобиографических текстов раннего Нового времени, но, тем не менее, в работах современных исследователей видна большая хронологическая дифференциация используемых источников.

⁶⁸Fried, Johannes: *Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik*. Beck, München 2004;

⁶⁹Ibid., S. 105;

⁷⁰Ibid., S. 138;

⁷¹Ibid., S. 385;

Автобиографическими текстами XX века и их теоретическим осмыслением на протяжении 20 лет успешно занимаются Клеменс Вишерманн⁷² и его коллега Катя Патцель-Мэттерн⁷³, развивая исследовательское направление истории памяти. Культурологические аспекты в исследовании и трактовках личных свидетельств рассматривает теоретик литературы Ансгар Нюннинг⁷⁴. Чрезвычайную важность эгодокументов для исторической антропологии в своих теоретических работах подчеркивает Алоиз Винтерлинг⁷⁵.

§5. Новые пути развития изучения автобиографий и эгодокументов

Как уже неоднократно повторялось ранее, в современной исторической науке интерес к изучению автобиографий и других документов личного характера набирает обороты, даже не смотря на скептицизм по отношению к возможностям эгодокументов как исторических источников. Такое пристальное внимание со стороны историков связывают с различными концептуальными изменениями, влиянием микроистории, лингвистических и культурных поворотов. Заметным сдвигом в новом обращении к эгодокументам является изменение предмета исследования: ранее историков занимали свидетельства преимущественно общеизвестных исторических персонажей, то на современном этапе они стали акцентировать внимание к,

⁷² Wischermann, Clemens (Hrsg.): Die Legitimität der Erinnerung und die Geschichtswissenschaft / Clemens Wischermann (Hrsg.). Steiner, Stuttgart. 1996;

⁷³ Patzel-Mattern, Katja: Geschichte im Zeichen der Erinnerung. Subjektivität und kulturwissenschaftliche Theoriebildung (= Studien zur Geschichte des Alltags. Band 19). Steiner, Stuttgart. 2002;

⁷⁴ Nünning, Ansgar, Nünning, Vera (Hrsg.): Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven, Metzler, Stuttgart. 2003;

⁷⁵ Winterling, Aloys: Historische Anthropologie (= *Basistexte*, Band 1). Steiner, Stuttgart 2006,

казалось бы, незнакомым текстам и широкому производству «мемуарно-автобиографической продукции»⁷⁶.

Можно сказать, что историографическая ситуация в целом благоприятна для изучений новых авторизованных нарративов, формирования отдельных направлений (в рамках истории ментальности, истории памяти и т.д.), складыванием в отдельных европейских странах (Германия, Франция, Нидерланды, Италия, Швейцария) объединений учёных, коллекционирующих, публикующих и интерпретирующих эгодокументы в рамках государственных программ и международных проектов.

Пожалуй, одной из важнейших особенностей современного исследования эгодокументов является обновление и уточнение терминологического аппарата. Ранее историки использовали общепринятые в литературоведении термины: «мемуары», «автобиография», «дневник». В последние десятилетия XX века исследователи внедряют уже знакомые современному поколению учёных понятия: «жизнеописания», «свидетельства о себе», «эгодокументы», «сочинения о своей душе». Наибольшей популярностью пользуется термин «эгодокумент», который впервые появился в середине 50-х годов XX века⁷⁷. Создатель термина Жак Прессер подчеркивал, что эгодокумент – это собирательное название личных свидетельств, которые делятся на четыре основных типа: мемуары, автобиографии, дневники, корреспонденция личного содержания. Широкий смысл определения эгодокумент можно объяснить таким образом – это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с «Я» – или

⁷⁶Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Корневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 322-324

⁷⁷Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 329-340.

иногда (Цезарь, Генри Адамс) «он» – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания»⁷⁸.

Современное состояние историографической проблемы изучения автобиографий характеризуется отказом от анализа происхождения и развития жанра, а так же от монументальных и всеобъемлющих трудов в духе монографий Георга Миша и Карла Вайнтрауба. Новые подходы изучения так же отбрасывают традиционный взгляд на автобиографию как порождение исключительно европейской цивилизации. Ученые вновь и вновь обнаруживают новые свидетельства личного характера в регионах далеких от Западной Европы. Ограниченность западоцентризма показали выразительные находки в арабской, японской, византийской письменных традициях⁷⁹. Отдельные исследователи настаивают на рассмотрении автобиографий как явление специфических социальных и культурных практик. В изучение авторизованных текстов внедряются такие универсальные категории, как пространство⁸⁰. В данном концепте преуспевают немецкие учёные. Анализ эгодокументов сквозь призму пространства, позволит проследить, как индивидуальная жизнь людей превращалась в текстовый документ о собственной судьбе в разные исторические эпохи, в различных культурных общностях и в разных частях мира.

При таком многообразии существующих методологических подходов, исследователи выступают за раскрытие исторических богатств

⁷⁸ Dekker R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. No 5. P. 14.

⁷⁹ Interpreting the Self: autobiography in the Arabic literary tradition / Ed. D. Reynolds. Berkeley, 2001; Shoichi S., Craig T. The Autobiography in Japan // Journal of Japanese Studies. 1985. Vol. 11, No. 2. P. 357-368; Hinterberger M. Autobiographische Traditionen in Byzanz. Wien, 1999.

⁸⁰ Räume des Selbst. Selbstzeugnisforschung transkulturell / Hg. Andreas Bähr, Peter Burschel, Gabriele Jancke. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007.

автобиографических текстов с помощью междисциплинарных научных коллабораций, которые реализуют методы микроистории, исторической антропологии, нарратологии, исторической герменевтики, гендерного анализа, компаративистики⁸¹.

§6. Фабиан фон Дона: литература и источники

Отдельного внимания требует литература, посвященная непосредственно Фабиану фон Доны и смежных с его персоной тем. Ещё в XVII веке сведения о смерти Доны появляются в произведениях голландского историописца Гергарда Иоганна Фосса⁸². Но спустя почти 200 лет рукопись Фабиана фон Доны была найдена в семейном архиве в Шлобиттене. На имя прусского дипломата историческая наука стала обращать внимание в конце XIX века. Историк Ганс Георг Шмидт в 1897 году впервые представил полноценный биографический труд «Фабиан фон Дона»⁸³, выпущенный на волне интереса к прусской истории и истории правящего дома Гогенцоллернов. На данный момент – это единственное исследование о жизни и деятельности бургграфа Кёнигсберга. Шмидт внимательно относится к фактам и отдельным деталям – представлены сведения о семье, родственниках, подробно описаны военные компании, годы обучения, путешествий и дипломатической службы в Пфальце и Пруссии. Автор сопоставляет ряд источников не только документы немецких архивов, но и французские нарративы – корреспонденция, записки, рукописи и т.д.

Публикацией источников, связанных с историей Пруссии раннего Нового времени, занялся видный немецкий исследователь Фридрих фон Бецольд, который в 1903 году опубликовал корреспонденцию Иоганна

81¹Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Кореневский. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009. С. 324

82²Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.1;

83³Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897.

Казимира⁸⁴. В огромном собрании писем нашлось достаточно свидетельств, связанных с личностью прусского дипломата – как правило, переписка Иоганна Казимира и Фабиана фон Доны была посвящена отдельным моментам военной экспедиции 1587 года во Францию, дипломатическим визитам и общению с коллегами-единоверцами.

В первой половине XX века имя Фабиана фон Доны фактически исчезает со страниц монографий и статей. Только в 1959 году к персоне прусского дворянина обратился историк Вернер Ниссен в рамках издания «Новой немецкой биографии», написав о нём ознакомительную статью, которая во многом повторяла опыт Ганса Георга Шмидта⁸⁵. Самый современный научный труд, связанный с персоной бургграфа увидел свет в 2014 году. Торстен Фёльш в монографии «Шлодиен и Карвинден: два замка в Восточной Пруссии бургграфов и графов фон Дона»⁸⁶ рассказывает наиболее полную историю дворянской семьи и их фамильного гнезда на территории современной Польши. Прусский дипломат лишь вскользь упоминается среди большого количества портретов его родственников. Исследователь делает акцент в своей работе на более поздний период – он представляет читателю обзор семейной истории графов фон Дона в XVIII-XIX вв.

Но большая заслуга в деле изучения истории дворянского семейства и непосредственно самого бургграфа Фабиана фон Доны принадлежит Кристиану Крольманну, который в 1905 опубликовал рукопись автобиографии дипломата в печатном виде, под названием «Жизнеописание

⁸⁴*Friedrich von Bezold*: Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken; Bd. 3. München 1903;

⁸⁵*Nissen, Werner*: Dohna, Fabian von. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;

⁸⁶*Foelsch, Torsten*: Schlodien & Carwinden. Zwei Schlösser in Ostpreußen und die Burggrafen und Grafen zu Dohna. 1. Auflage. Foelsch & Fanselow Verlag, Groß Gottschow 2014, ISBN 978-3-9816377-0-0;

бургграфа Фабиана фон Доны»⁸⁷. Источник содержит комментарии исследователя, которые значительно упрощают работу с документом. Рукопись была извлечена из фамильного архива в Шлобиттене и расшифрована – более 100 страниц записей в хронологической последовательности, включающие в себя воспоминания, данные о военных операциях, службе, поездках, контактах и т.д. На первый взгляд – источник голословен. Он отвечает всем параметрам автобиографического сочинения XVI-XVII веков. Не везде мы можем отыскать красноречивые пассажи о произошедшем событии, оценочные суждения, подробные описания воспоминаний о чем-либо и т.д. Немногословность автора, вероятно, связана с предназначением эгодокумента отдельному кругу лиц, для которых Дона писал о своей жизни и деяниях. К сожалению, самая яркая страница истории карьерного роста Фабиана фон Доны, описанная в мемуарах бесследно исчезла – о походе во Францию в 1587 году на помощь гугенотам, мы можем судить лишь только по корреспонденции и французским рукописям. Бургграф оканчивает свое повествование о жизни в 1606 году, хотя до момента смерти остается ещё 15 лет.

Более полувека автобиография бургграфа не удостоивалась должного внимания к себе со стороны исследователей. Только с возрождением интереса к религиозным конфликтам раннего Нового времени и участием немецких дворян в экспедициях на помощь братьям по вере, имя Фабиана фон Доны вновь приобрело блеск и засияло на горизонте исторических штудий и дискуссий.

⁸⁷*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905.*

§7. Фабиан фон Дона: биография и родственные связи

• Родственники по линии отца: Дона

Впервые знатный дом прусских графов и бургграфов появился на страницах имперской истории в далеком XII веке. Первое упоминание о предках Фабиана фон Доны датируется 1153 годом. Император Фридрих I Барбаросса даровал семейству лен в окрестностях Мерзебурга. Существует персон, с которой связывают происхождение этой знатной семьи. Между 1143 и 1144 годом в источниках фигурирует некий Генрих из Рёты⁸⁸, который является хозяином замка Дона вблизи реки Плайсе. К XV веку география семьи не ограничивается лишь землями между Мейсенем и Богемией. Часть представителей этой знатной фамилии переезжает в прусские земли. В середине века род Дона постепенно внедряется в региональную политическую жизнь Пруссии. Прежде всего, это связано с именем основателя прусской ветви рода Дона Станислава или Штенцеля фон Доны (1433–1504), который был принят в ряды Немецкого ордена⁸⁹.

К 1453 году в регионе ощущалась тревожная обстановка: местная знать в союзе с городами Прусского союза открыто выступила против орденской корпорации и объединила свои усилия с поляками. Начавшаяся Тринадцатилетняя война (1454–1466) стала для тевтонцев очередной непростой военной кампанией. Вторжение армии польского короля Казимира IV усугубило ситуацию в прусских укреплениях ордена. В ряде столкновений Станислав фон Дона проявил себя как смелый воин, заслужив при этом доверие магистра ордена Людвиг фон Эрлихсхаузен⁹⁰. В 1464 году он

⁸⁸*Eckhart Leisering: Acta sunt hec Dresdene – die Ersterwähnung Dresdens in der Urkunde vom 31. März 1206, Sächsisches Staatsarchiv, Mitteldeutscher Verlag (mdv), Halle/Saale und Dresden 2005, S. 5,11,20,25-34,33,49-50*

⁸⁹*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.5*

⁹⁰*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 5;*

участвовал в обороне замка Меве (современный Гнев) от соединений неприятеля. После неудачного для ордена Второго Торуньского мира 1466 года Станислав всё же получил небольшую награду в виде нового лена Дойчендорф. Именно на вновь приобретенных землях прусский дворянин в кругу семьи жил до самой смерти. Двое сыновей Станислава фон Доны умерли довольно рано⁹¹.

Судьба продолжить род выпала его третьему сыну Петеру. Петер фон Дона (1483–1552) так же решил связать свою жизнь с орденской корпорацией в Пруссии. Известно, что осуществив в 1520 году поездку в Вечный Город, Петер фон Дона заехал в Виттенберг, где лично познакомился с реформатором Лютером и его идеями⁹². За год до этих событий между Немецким орденом и Королевством Польским вспыхнула новая война (1519–1521), которую поляки именовали как «Wojna pruska», а немецкая сторона предпочла называть её «Reiterkrieg». Великий магистр Альбрехт Бранденбург-Ансбахский (1490–1568) тщетно пытался отстаивать свои интересы, надеясь вернуть утраченные земли Ордена в Западной Пруссии⁹³. Заключив перемирие в 1521 году в Торуне, магистр решил начать секуляризацию орденской корпорации. Стремление перевести земли Немецкого ордена в светские владения, было положительно воспринято польской элитой. Развитие реформационного движения на уровне верховной власти в Пруссии давало возможность построить конструктивный диалог с соседями. Наконец, 8 апреля 1525 года противоборствующие стороны сели за стол переговоров в Кракове. Великий магистр стал герцогом, а название «Немецкий орден» было сменено на «Herzogtum Preußen»⁹⁴. Через два дня на рыночной площади Кракова состоялся «пруссский оммаж» – герцог Альбрехт

⁹¹ Ibid., S.6;

⁹² Там же;

⁹³ Hubatsch, Walther: Albrecht der Ältere. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 1, Duncker & Humblot, Berlin 1953, S. 171-173;

⁹⁴ С нем. Герцогство Пруссия;

признал себя вассалом короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I Старого. Немалую помощь новоиспеченному герцогу оказал в этом процессе и его подданный Петер фон Дона. За хорошую службу прусский герцог даровал роду Дона Морунген (современный Моронг), Шлобиттен (современная деревня Слобиты), Цемен и Штум⁹⁵. О личной жизни ленника герцога известно не так много: первый брак оказался бездетным. Остро нуждаясь в наследниках, Петер фон Дона, будучи уже в зрелом возрасте, взял под венец дочь мариенбургского воеводы Агация фон Цемена(1485–24 мая 1565) , которую звали Катариной. Она родила ему дочь и семь сыновей, последним из которых был Фабиан фон Дона⁹⁶.

- ***Родственники по линии матери: Цемен***

Первые упоминания о знатных персонах из рода Цемен датируются XIII веком. Имя родоначальника знатного саксонского рода Фридриха фон Цемена соседствует с первым упоминанием о Дрездене, а так же с именем маркграфа Мейсена Дитриха Угнетенного из династии Веттинов в документе «Acta sunt hec dresdene» за 31 марта 1206 года⁹⁷. Родовое гнездо находилось предположительно недалеко от Лейпцига. Однако в XV веке представители знатной фамилии меняют красоты саксонской земли на приморские прусские ландшафты. Семья сразу же попадает под влияние Немецкого Ордена – безусловно, представители мелкой знати просто вынуждены искать в незнакомых землях себе могущественного покровителя, который смог бы обеспечить спокойное дворянское существование. Николаус фон Цемен, отец Агация, так же как и отец Петера фон Доны служил в орденской корпорации, участвовал в Тринадцатилетней войне. Но после Второго Торуньского мира

⁹⁵*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.6*

⁹⁶*Ibid., S. 6*

⁹⁷*Eckhart Leisering: Acta sunt hec Dresdene - die Ersterwähnung Dresdens in der Urkunde vom 31. März 1206, Sächsisches Staatsarchiv, Mitteldeutscher Verlag (mdv), Halle/Saale und Dresden 2005 S. 5,13,87,88*

Николаусу пришлось стать подданным польской короны. О ранних годах Агация фон Цемена наиболее полных сведений не осталось. Известно, что он был женат на Елене фон Мерклихенраде. У пары родилось трое сыновей и шесть дочерей. Изначально семейство Агация жило довольно скромно, но со временем дворянин нажил своим потомкам завидное наследство. Ещё до судьбоносной войны с Польшей, Агаций заполучил титул старосты Штума, Меве, а так же Кристбурга⁹⁸. В руках саксонской знати оказался поток необходимых товаров и обилие богатейших поместий и дворов Пруссии. Весьма часто староста Агаций фон Цемен⁹⁹ оказывал финансовую помощь своему сюзерену магистру Альбрехту Бранденбург-Ансбахский, который очень нуждался в ней. К концу 1517 года староста Штума начинает стремительно расти в должностях – Агаций фон Цемен становится казначеем Мариенбурга. С этого момента началась его карьера государственного служащего. В 1519 году появилась ещё одна пометка в послужном списке представителя прусской элиты – воевода Восточного Поморья. За время служения герцогу Прусскому и королю Польскому Цемен занимал место кастеляна (каштеляна) в Данциге с 1531 года до 1546 года, когда его дядя Георг фон Байсен отправился в лучший из миров и оставил после себя вакантное место воеводы Мариенбурга, которое он занимал 20 лет¹⁰⁰.

Знатные немецкие семейства быстро адаптировались к новым условиям – польский язык входил в обиход немецкоговорящих дворян, а региональная специфика жизни благородного сословия под покровительством польской короны становилась понятной. Однако дальнейшие стремления новых хозяев

⁹⁸Richard Fischer: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898, S. 770-771;

⁹⁹Richard Fischer: Achatius von Zehmen, Woywode von Marienburg. In: Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. Jg. 36 (1897), S. 31;

¹⁰⁰Ernst Theodor Thiele: Das Gesandtschaftswesen in Preussen im 16. Jahrhundert, Musterschmidt Wissenschaftlicher Verlag, Göttingen, Frankfurt, Berlin 1954, S. 33-34;

прусской земли заставляли местную элиту проявлять гибкость, лавируя между интересами короля и герцога. Не лишенный чувств солидарности к землякам и коллегам по сословию, Агаций был настоящим прагматиком и дипломатом – он тонко разбирался в отношениях с сюзеренами и всегда избегал особо острых конфликтов. Воевода Мариенбурга зачастую ставил интересы прусского дворянства превыше всех остальных, не давая тем самым представителям короля окончательно затмить прошлое орденой корпорации¹⁰¹.

В целом же отношение к польскому окружению у немецких дворян в Пруссии было довольно настороженное. К примеру, Фабиан фон Дона на страницах своего жизнеописания напоминает читателям и исследователям о взаимодействиях с представителями польской элиты. Дона отмечал беспокойный нрав поляков, часто писал о своей боязни их окружения¹⁰². Хотя в детстве будущий бургграф хорошо говорил по-польски, учился и развлекался в компании друзей с Племфинским, Компацким, Ольховским и Войановским¹⁰³.

Немалый вклад в развитие автономизации региона внесла Реформация, которая ограничивала влияние польской католической знати на ситуацию в Пруссии. Возвращаясь к персоне Агация фон Цемена, следует сказать, что именно он был одним из влиятельных сторонников распространения нового вероучения. Изначально, первые очаги евангелистского движения подавлялись в Данциге, Торне и Эльбинге, но в целом на развитие реформационных идей окружение Сигизмунда II Августа не обращала особого внимания, в связи с особым статусом прусского герцогства. Ситуация усугубилась с попыткой влияния на прусского епископа со стороны

¹⁰¹Richard Fischer: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898, S. 771-772;

¹⁰²Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 13;

¹⁰³Ibid., S.1;

энергичного поляка, теолога Станислава Гозия в 1549 году. Тем не менее, позиции евангелистов значительно окрепли за несколько десятилетий. Ключевая роль в борьбе за распространение лютеранских идей выпала Агацию фон Цемену. Ещё в 1536 году будущий воевода Мариенбурга отправил учиться своего сына в Виттенберг у самого Филиппа Меланхтона. Открытые призывы к признанию нового вероучения сделали Агация противником епископа и Гозия. Неофициально Цемена стали считать главой всех протестантов Пруссии, а недруги называли его то «Папой», то «анти-Папой». Энергичный и влиятельный воевода всё же смог получить протекцию для протестантов в Данциге, Торне и Эльбинге¹⁰⁴.

Прусский герцог был заинтересован в добропорядочных отношениях со своим сюзереном и его немецкими подданными. В связи с активизацией реформационного движения, возросла и потребность былой «орденской» элиты Западной Пруссии в контактах с главой восточно-прусского региона – яркого представителя династии Гогенцоллернов. Надо сказать, что корпоративные связи немецких дворян стали ещё более ощутимы с приходом нового вероучения, а так же вместе с попытками польских элиты предотвратить распространение евангелической «заразы». В построении моста взаимовыгодных отношений между знатью запада и востока Пруссии опять же преуспел Агаций фон Цемен. Личное знакомство тогдашнего магистра Альбрехта Бранденбург-Ансбахского Агация состоялось в 1523 году, когда Цемен посетил Нюрнберг – ставку магистра в Германии и вотчину бургграфов Гогенцоллернов с 1192 года. Будущий польский воевода присутствовал при историческом «прусском оммаже» 8 апреля 1525 года в Кракове. 26 мая 1525 года Цемен был отправлен в Кёнигсберг от имени короля Польши для присутствия на очередной клятве нового герцога. Вместе с постепенным процессом энергичной интеграции герцогства в польские правовые реалии, эволюционировала и взаимосвязь Альбрехта II

¹⁰⁴Richard Fischer: Achatius von Zehmen, Woywode von Marienburg. In: Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. Jg. 36 (1897) S. 44-45;

мариенбургского воеводы. В 1542 году при участии Цемена, герцог Пруссии готовит новые законопроекты и привилегии немецкому дворянству. В 1550-х Агаций фон Цемен выступает как главный союзник хозяина Восточной Пруссии в делах распространения идей Реформации и разрешения религиозных конфликтов¹⁰⁵. Вскоре над прусской линией Гогенцоллернов нависла угроза остаться без наследника. Герцог уже находился в почтенном возрасте, а его первая жена Доротея Датская так и не родила Альбрехту дожившего до тех дней наследника, покинув этот мир в 1547 году. Безусловно, прусский герцог не терял надежды вновь вступить в брак и оставить отпрыска. На помощь пришел старый друг и верный подданный: Цемен в 1549 году выехал в Брауншвейг на смотрины как представитель Альбрехта¹⁰⁶. Выбор пал на Анну Марию Брауншвейгскую. Только после пришедшего в Пруссию письменного отчета от Агация, Альбрехт Бранденбург-Ансбахский решился на бракосочетание с дочкой Эриха I, герцога Брауншвейг-Каленберг-Гёттинген. Через год состоялась свадьба герцога и представительницы дома Вельфов. 29 апреля 1553 года супруга подарила Альбрехту наследника – Альбрехта Фридриха, которому было суждено стать последним представителем прусской ветви Гогенцоллернов¹⁰⁷. Казалось бы, локальная элита могла бы вздохнуть спокойной, но как только появился новый претендент на наследственный титул герцога Пруссии, польская корона стала искать пути конфискации этих земель. Предполагалось обойти бранденбургских родственников и установить фактически единоличную опеку со стороны польского сюзерена. Однако ещё при жизни Альбрехта I усилиями местной элиты и самого герцога удалось создать завещание 1555 года, по которому опекуном прусского домена

¹⁰⁵*Richard Fischer: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898, S. 772-773;*

¹⁰⁶*Richard Fischer: Achatius von Zehmen, Woywode von Marienburg. In: Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. Jg. 36 (1897) S. 67-69;*

¹⁰⁷*Richard Fischer: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898, S. 772;*

Гогенцоллернов выступал бранденбургский курфюрст, который формально подчинялся польскому королю. В этом серьёзном вопросе Цемен охотно помогал герцогу. Безусловно, мариенбургский воевода не мог не беспокоиться за будущее региона¹⁰⁸.

К концу своей жизни Агаций фон Цемен начал терять влияние и лены. В последние годы его волновали религиозные вопросы и решение местных конфликтов на почве распространения идей евангелистов. К 1564 году он потерял замок Кристбург, попал в немилость к польскому королю и его окружению, но всё же старался исполнять добросовестно все поручения сюзеренов. По пути следования на очередной ландтаг в феврале 1565 года, восьмидесятилетнего старика Агация фон Цемена хватил удар¹⁰⁹. Через несколько недель мариенбургский воевода отправился в Кёнигсберг, вероятно, чтобы поправить здоровье. Однако 24 мая 1565 года там же Агаций фон Цемен скончался.

На этом под историческим очерком о происхождении семьи Фабиана фон Доны можно подвести черту, и, наконец, перейти на более детальный обзор биографии будущего бургграфа, дипломата и военного.

§8. Ранние годы

Фабиан фон Дона появился на свет 26 мая 1550 года в прусском городе Штум. Как и положено, на первых страницах собственной биографии упоминает бабушку и дедушку Агация фон Цемена, а так же своих родителей – Петера фон Дону и Катарину фон Цемен. Так же существует отметка автора о собственном крещении в наследственных владениях, а именно – в

¹⁰⁸*Richard Fischer: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898, S. 772-773*

¹⁰⁹*Gottfried Schramm: Der Polnische Adel und die Reformation 1548-1607, Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz, Band 36, Abteilung Universalgeschichte, Herausgeber Martin Göhring, Franz Steiner Verlag GmbH, Wiesbaden 1965. Umfangreiche Erläuterungen zu Achatius von Zehmen S. 133-135*

Морунгене (современном Моронге)¹¹⁰. Фабиан был рожден в знатной протестантской семье, где новое вероучение формировало определенные взгляды на жизнь с детских лет. В феврале 1552 года не стало его отца Петра фон Дона. Через пять лет внезапно покинула мир и матушка. В своем повествовании бургграф отмечает, что «Всевышний слишком рано отнял родителей и мои первые неудачи в жизни начались именно с этого времени»¹¹¹. После смерти родителей, Фабиана забирает к себе сестра матери Анна. Его детские годы проходили в прусских местечках Мельно и Шёнзи, под присмотром Барбары фон Шёнзи и Ганса Племинского – людей, входивших в окружение знатной прусской семьи. В Мельно Дона проводит много времени, общаясь с будущим гауптманом из Шёнзи Агацием Племинским. В 1558 году Фабиан фон Дона начинает посещать гимназию в городе Торн (Торунь) вместе со своими польскими друзьями – Племинским, Компацким, Ольховским и Войановским. Спустя год Дона уже говорил «как маленький поляк». Дона учил латынь, арифметику, а так же изучал свободные искусства и штудировал катехизис¹¹².

Живя в кругу друзей и получая начальное образование, Фабиан со временем попал под крыло своего старшего брата Агаций (1533–1619), который взвалил на себя тяжкое бремя управления семейными делами¹¹³. В 1560 году Агаций забирает с собой Фабиана в Кёнигсберг ко двору герцога Пруссии, где будущий бургграф вместе с сыном герцога Альбрехтом Фридрихом и другими благородными юнкерами, проходит обучение под руководством гофмаршала Якоба фон Шверайна. К данной персоне на

¹¹⁰*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.1;*

¹¹¹Там же;

¹¹²*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 7-8;*

¹¹³*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.1-3;*

страницах своего жизнеописания Дона употребляет словосочетание «blöden Herrn»¹¹⁴, которое иллюстрирует полное отсутствие педагогических способностей у гофмаршала. Тем не менее, юный дворянин продолжал изучать польский язык и грамматику латыни¹¹⁵.

Остальные три брата Фабиана положили на алтарь военной славы свои жизни. Генрих (родился в 15 сентября 1534 года) ещё в юном возрасте отличился при дворе польского короля, выступал на полях брани Ливонской войны под польскими знаменами. Фабиан фон Дона датирует смерть брата 1562 годом, однако в это время Генрих находился на дипломатической службе в Датском королевстве¹¹⁶. Смерть настигла его 30 октября 1563 года под Пярну, когда прусский вспомогательный корпус, которым командовал Генрих фон Дона, вступил в бой. Тело брата было предано земле в Риге спустя два дня.

Подобным был жизненный путь другого брата Авраама (родился 22 октября 1542 года). Начиная свою карьеру казначеем при дворе герцога Альбрехта I. В 1567 году с успехом отстаивал права на конфискованное имущество брата Генриха в Ливонии. Через некоторое время Авраам оказался в армии французских протестантов. В октябре 1569 года после полученных увечий в ходе военных экспедиций в Пиренеях он скончался у Тараскона¹¹⁷.

Воинская служба так же привлекала ещё одного брата Фридриха (родился 17 января 1536 года), который в 1547 году начал учиться в Кёнигсберге. С юного возраста находился на службе у датской короны до

¹¹⁴Буквально с немецкого: «Слабоумный господин»;

¹¹⁵¹*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 7;

¹¹⁶¹*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.2;

¹¹⁷¹*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.5;

1559 года, а после став ротмистром, воевал против Швеции. В 1564 году Фридрих утонул в проливе Зунд во время боевых действий¹¹⁸.

В этом смысле, судьба Фабиана фон Доны была несколько иной: путь рано осиротевшего молодого человека лежал через гимназии в Торне, Страсбурге и ознакомительные поездки в Италию. О профессиональной военной службе речь и не шла. Он, безусловно, участвовал в походах и войнах, но делал это без особого энтузиазма.

В 1564 году Фабиан по настоянию старшего брата отправляется в Страсбург, чтобы продолжить свое обучение¹¹⁹. Четырнадцатилетний молодой человек быстро нашел себе приятелей-попутчиков, с которыми он разделял кров и тратил немалые суммы на различные увеселения. Дона не мог похвастаться завидными успехами в учебе, так как тяга к развлечениям в компании юных немецких дворян затмевала все его дела и обязанности. Однако, светские вечеринки быстро закончились из-за нехватки финансов и начала эпидемии чумы в Страсбурге. Как сообщает сам автор, за неделю умерло 160 человек¹²⁰. Преподаватели дали будущему бургграфу денег для небольшого переезда во Франкфурт-на-Майне на время свирепствования эпидемии. Через 6 месяцев Дона вновь вернулся в Страсбург. Следующие четыре года Фабиан так же проводит в учении и гуляниях с товарищами по корпорации, занимая огромные суммы денег у старшего брата Агация и у своих друзей. Колоссальные траты очень разочаровывали бургграфа Агация, который хоть и был немного немало бургграфом и государственным советником при герцоге Пруссии, но не мог позволить спускать финансы на жизнь гуляки-студента. В 1568 году, наконец, мучения старшего брата

¹¹⁸Ibid., S. 9-10;

¹¹⁹Nissen, Werner: Dohna, Fabian von. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;

¹²⁰Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S.3;

закончились – Дона окончил учебное заведение в Страсбурге и вынужден был вернуться в отчий дом¹²¹.

Прибыв в Пруссию, Фабиан узнал о смерти своих трёх братьев. По наследству от умерших родственников будущему бургграфу досталась приличная сумма – 2000 талеров. Однако у юного дворянина по возвращению домой возникли проблемы с возвращением долгов страсбургским коллегам. Вновь непутевого юнкера выручил его старший брат, дав ему денег на погашение собственных долгов. Так же Агаций порекомендовал Фабиану вложить наследство в полезное дело. А именно – отправиться верхом на лошади в путешествие по Италии. Получить бесценный опыт, продолжить учиться и завести полезные знакомства¹²².

С 1569 по 1572 год Фабиан фон Дона проводит свое время в итальянских землях, путешествуя из города в город. За два года он хорошо освоил итальянский язык и мог свободно изъясняться на нём. Путь на Аппенинский полуостров лежал через решение проблем локального характера в Саксонии и Пруссии. По настоянию старшего брата, Фабиан фон Дона отправлялся в Виттенберг в компании герцога Альбрехта Фридриха и Вольфа фон Вернсдорфа. Летом 1568 года в Саксонии гостил тюрингский теолог Якоб Андреэ, будущий инициатор создания «Формулы согласия», который в то время участвовал в разрешении конфликтов между лютеранскими ортодоксами и «филиппистами». Об этом Дона оставляет небольшую заметку – в Виттенберге он пробудет около полугода. Будущий бургграф, постоянно помогал своему старшему брату, выполняя его поручения, сопровождая его на рейхстаге. Безусловно, Дона отработывал свой хлеб: помогая Агацию, Фабиан мог рассчитывать на дополнительные дотации в предстоящем итальянском вояже. Так и случилось, когда Агаций

121²Ibid., S.4;

122²Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.8;

получил в Морунгене очередную сумму денег равную 2000 талерам, четвертая часть прибыли досталась Фабиану фон Доне¹²³.

В 1570 году Дона, наконец, попал на территорию Италии. Первой остановкой в его ознакомительной поездке стала Падуя, в которой молодой дворянин пробыл довольно долго. Фабиану так понравился местный говор, что вскоре у него появилось огромное желание выучить язык, на котором говорят падуанцы. В сопровождении советника пфальцграфа Иоганна Казимира Георга Людвига фон Гуттена и протестантского миссионера (или агента) Вольфганга Цюнделина, Дона отправляется в Рим и Неаполь. Денег молодому человеку явно не хватало, однако тугой кошелек Гуттена заставил его продолжить путешествие вместе с вышеназванными господами, кочуя из города в город¹²⁴.

На рубеже 1570–1571 года во Флоренции Фабиана свалила с ног болезнь: он должен был возвращаться в Падую и оставаться там до полного выздоровления в тишине и покое. Однако верные коллеги по корпорации просто не дали этому произойти. Да и сам Фабиан фон Дона совершенно не хотел покидать круг своих товарищей. Ганс фон Костиц, путешествующий с немецкой компанией дворянин, предложил Фабиану следующий «рецепт от всех бед». В одну из ночей он привез в «Losament»¹²⁵, в котором жили странствующие по Италии дворяне, 13 бутылок вина из Требиано и каких-то бродячих скрипачей (французов или итальянцев – досконально неизвестно). Этот «рецепт» помог Доне встать на ноги и отправится с компанией в Сиену, однако уже по прибытию в Неаполь, здоровье вновь подвело молодого человека. Данное обстоятельство ни сколько не повлияло на дальнейшее продвижение небольшой сословной корпорации. В начале 1571 года Дона

¹²³*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 6;

¹²⁴*Ibid.*, S.7;

¹²⁵Временное деревянное жильё;

прибывает в Венецию узнает радостную весть в местной газете о «великолепной» (как он сам пишет), «блестящей» победе Католической лиги над турками при Лепанто¹²⁶.

К 1572 году все взятые на поездку деньги были истрачены – Дона обязан был вернуться на свою родину, но расставаться с солнечной Италией и хорошей компанией немецких дворян ему совершенно не хотелось¹²⁷. На это он так же обращает внимание на страницах своей биографии. Последующие несколько месяцев Фабиана фон Дона пройдут в скитаниях и попытке раздобыть средства для поездки в так полюбившуюся ему Италию. Будущий бургграф то ездил в составе посольства, то наблюдал за постепенной деградацией своего господина герцога Альбрехта Фридриха. Наконец, Фабиан фон Дона взял заветную сумму в долг у состоятельного горожанина по имени Якоб Монау из Бреслау и в том же году отправился на Аппенинский полуостров¹²⁸. Но через 8 месяцев молодой дворянин покинет пределы Италии – негативно скажутся на его здоровье заболевания, которыми он постоянно страдал во время поездок, а так же колоссальные денежные траты. Из Генуи Дона отправится в Швейцарию, а позднее и в родные пенаты. В Пруссию он вернется лишь в 1575 году¹²⁹.

На этом его беззаботные странствия закончились – финансовые проблемы заставили юного авантюриста и путешественника сидеть дома и заниматься делами дворянской семьи. На его душу выпала ещё одна потеря в семейной корпорации: в 1575 году его брат Кристоф умирает в Дании. Старший брат Агаций вновь выступил как главный в разделе наследства –

¹²⁶*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.8;*

¹²⁷*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 7-9;*

¹²⁸*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.8;*

¹²⁹*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.9;*

Фабиан частично стабилизировал свое финансовое положение и смог отправиться на рейхстаг в 1576 году в Регенсбурге «чтобы что-нибудь увидеть»¹³⁰. Присутствие на княжеской ассамблее и общение с представителями одной корпорации от части вынудило Фабиана фон Дону начать новую самостоятельную жизнь в предместьях Вены. Однако такой смелый порыв быстро сошел на нет: не прошло и года, как в 1577 году Дона покидает свою сельскую резиденцию под Веной и возвращается в Пруссию, где находится в подвешенном состоянии без денег и без дела. Его безумно расстраивало подобное положение дел, однако вскоре выход был найден¹³¹.

§9. Военная и дипломатическая служба

В 1577 году новоизбранный король Речи Посполитой Стефан Баторий решил убедить вольный город Данциг признать власть легитимного правителя, хотя городские власти таковым трансильванского князя не считали. Во время осады города Фабиан фон Дона постоянно ездил в лагерь короля, где встречался со своими родственниками по линии матери – Фабианом Цеменом и Кристофом Цеменом¹³². Именно там Дона разглядел незаурядные способности нового короля. Его личность так повлияла на юного дворянина, что у Фабиана появилось желание попасть на военную службу к Стефану Баторию, даже не смотря на неприязнь к его польским подданным. Во время баталий и мирных переговоров до молодого дворянина дошли слухи о непростой ситуации в Южных Нидерландах, куда в этом же году направили эрц-герцога Матвея, который был позднее выбран штатгальтером южных провинций¹³³. Приток военной силы в регион начал набирать обороты. Такие вести не могли пройти мимо ушей подобных

¹³⁰Ibid.,S.10;

¹³¹Ibid.,S.12;

¹³²*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S.12;*

¹³³Там же;

Фабиану фон Доне представителей мелкого дворянства, нуждавшихся в источниках доходов и хорошей военной репутации. Эти новости были как нельзя кстати¹³⁴.

Путь к воинской славе и богатству лежал через западную окраину Священной Римской Империи, которая стала родиной конфессиональных изменений в немецких землях Империи. Совершив обряд преломления хлеба по кальвинистскому образцу, курфюрст Пфальца Фридрих III Благочестивый в 1563 году вводит новый реформаторский культ в своих наследственных землях. Тогда же и создается Гейдельбергский катехизис, а в 1564 году принимается новое церковное уложение. Не случайно кальвинизм получил поддержку в домене пфальцских Виттельсбахов – потоки беглых гугенотов и нидерландских эмигрантов беспрепятственно оставались под крылом глубоко религиозного курфюрста. Невозможно отрицать влияние на конфессиональную расстановку сил извне. Во второй половине XVI века Пфальц становится своеобразным генеральным штабом немецкого дворянства, равнодушного к событиям в раздираемой внутренней борьбой Франции. Особенно после Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года, которая повергла в шок не только протестантскую элиту Германии, но и правящий дом австрийских Габсбургов¹³⁵.

В 1578 году Дона попадает во Франкфурт-на-Майне. Тесные контакты с местной знатью приводят молодого дворянина ко двору пфальцграфа Иоганна Казимира (1543–1592). Безусловно, в жизни Фабиана начинается совершенно другой период – он находит себе патрона, чьи деловые качества и религиозные предпочтения очень импонируют новому подданному. До самой смерти пфальцграфа на страницах биографии Дона всегда положительно

¹³⁴*Nissen, Werner: Dohna, Fabian von. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;*

¹³⁵*Проконьев А.Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны //*

Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники. Новые исследования. Новая периодизация. г. СПб, Москва, 2015. С. 188-190;

отзывался о господине, о его добродетелях, вере в молодого подопечного, а так же полном доверии и приятном совместном времяпрепровождении¹³⁶.

Пфальцграф Иоганн Казимир уже не первый год налаживал контакты с протестантами во Франции и в Нидерландах. В 1567 году он оказывал помощь гугенотам, в 1575–1576 годах пфальцграф вновь отправил экспедицию во французские земли, а в 1578 году было решено подготовить войска для отправки в Нидерланды. В этом деле впервые себя проявил Фабиан фон Дона¹³⁷.

Во Франкфурте Дона начинает вербовку наемников – он отправляется в путь со «всеми деньгами, вниз по Рейну, внедряясь в ряды ландскнехтов»¹³⁸. Новый подданный пфальцграфа добился определенных успехов на поприще сбора войск: 6000 всадников и 10 фенляйнов ландскнехтов (4000 воинов) встали под знамёна Пфальца. С одной стороны – с этого момента Дона был вхож в ближайшее окружение пфальцграфа, с другой же стороны – армия, собранная для похода, вовремя не получила довольствия и начала таять с каждым днем, утопая в разбоях и мародерстве. В 1579 году Иоганн Казимир путешествовал по Англии и вел переговоры по субсидированию новой экспедиции в сопровождении своего верного слуги¹³⁹. В то же время вместе со своим господином Дона участвует в пешех турнирах, находится с ним в постоянном контакте. Это хорошо отражает текст автобиографии, где Иоганн Казимир предстает перед исследователем как хладнокровный и расчетливый,

¹³⁶*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S. 26-27;

¹³⁷*Nissen, Werner*: Dohna, Fabian von. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;

¹³⁸*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S.16-17;

¹³⁹*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 13-14.

но безумно милостивый и справедливый господин, по которому Дона временами скучает¹⁴⁰.

Фабиану необходимо было лучше понять организационные вопросы похода и найти новых покровителей со стороны гугенотов и немецких дворян, посещая ландтаги и рейхстаги. На какое-то время Дона отошел от пфальцских дел и по просьбе старшего брата отправился в Прибалтику, воевать на стороне короля Речи Посполитой Стефана Батория. Фабиан как только мог искал повод не ехать воевать за поляков, хотя и явно симпатизировал персоне короля Стефана. Старший брат указывал на то, что на этой войне нужно отстаивать интересы прусского дворянства и помочь королю в столь трудный час. Невозможно было отказать брату в помощи, тем более, когда речь шла о дворянском достоинстве и воинской доблести¹⁴¹.

Во время продолжительной осады Пскова 1581 года, Дона впервые участвовал в боевых действиях. Там он познакомился с использованием артиллерии, основами фортификации, а так же участвовал в штурме оборонительных позиций. Практический курс военного дела Фабиан познал в небольших разведывательных операциях в глубоком тылу. Пришлось представителю знатного сословия и посидеть в окопе, и получить пулевое ранение. Бесценный опыт Дона получил в полевом лагере – будущий предводитель внимательно следил за взаимодействием разнородных национальных подразделений в полевом лагере. Наряду с польскими войсками, у стен Пскова находились венгерские части, казаки, а так же многочисленные отряды немецких и шотландских наемников¹⁴². Король Стефан Баторий платил нерегулярно – Фабиану приходилось постоянно

¹⁴⁰*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.27;*

¹⁴¹*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.32-33;*

¹⁴²*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 33-34.*

отлучаться со своей свитой в Ригу, чтобы занять денег на продолжение кампании¹⁴³. Но лишь 23 апреля 1582 года, в очередной раз приехав в Ригу, Дона решил закончить для себя войну и вернуться на родину¹⁴⁴.

Дальнейший маршрут Фабиана фон Доны пролегал через Митаву и Кёнигсберг. После долгих скитаний по прусской земле, стоило вернуться в стан пфальцграфа Иоганна Казимира, который нуждался в помощи своего энергичного подданного. В 1582 году «хозяин кёльнской кафедры» Гебхард Трухсес фон Вальдбург решил покончить с католическим прошлым и стать светским правителем Кёльна. Через год Гебхард взял под венец графиню Агнес фон Мансфельд-Эйслебен, чтобы превратить церковные владения в династическую собственность. Ситуация обострилась с участием местного духовенства в выборах нового архиепископа. Кандидатура Эрнста Баварского пришлась протестантам совершенно не по вкусу – всё это переросло в открытое противостояние за небольшой клочок земли. С вмешательством сил с разных сторон, конфликт быстро перешёл из стадии «локальной стычки» в общеимперское столкновение¹⁴⁵. Безусловно, без пфальцского патрона дело не могло обойтись – Иоганн Казимир оказывал помощь войском сторонникам реформации в Кёльнском архиепископстве. Дона в то время находился в авангарде пфальцских воинских подразделений и был очень близок к господину, сопровождая его в деловых поездках. Главная задача Фабиана фон Доны состояла в том, чтобы дипломатическим путём наладить контакты с новым светским правителем в Бонне и привлечь на его сторону не только имперские города и дворянство, но и иностранных «братьев по вере» – Англию и Швейцарию¹⁴⁶. 5 декабря 1582 года Дона всё же получил

¹⁴³*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905.S. 34-35;*

¹⁴⁴*Ibid.*, 37;

¹⁴⁵*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.38-39;*

¹⁴⁶*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905.S.78-79;*

аудиенцию у очень занятого курфюрста. В целом, середина 1580-х годов стала хорошим периодом для самореализации Фабина фон Дону – дипломатическая служба, выступления в составе воинских подразделений, а так же полезное общение с коллегами по корпорации. После этих локальных столкновений, будущий бургграф отправился на родину всего лишь на пару лет. Заслуги перед Пфальцем будут хорошо отмечены господином – в 1587 году, побывав на Британских островах, Иоганн Казимир доверит своему подданному руководство грандиозной боевой операцией в помощь французским гугенотам осенью 1587 года. Эта военная акция долго будет ассоциироваться с именем бургграфа Фабиана фон Дону¹⁴⁷.

§10. Участие в походах немецких протестантов во Францию

Финансирование похода во Францию началось ещё в 1585 году. Главным спонсором похода выступали английская корона и пфальцграф. Дона был сосредоточен на сборе войск для осенней экспедиции 1587 года. Подразделения собирались очень неспешно: по договору о найме войска должны были прибыть в указанное место в мае. Однако только июле месяце подошли к Страсбургу лишь 6000 конных воинов и 3000 ландскнехтов. Летом новые отряды стали значительно пополняться из близлежащих земель. В Эльзасе к армии присоединились подразделения швейцарцев, численностью в 16000 человек. Важно заметить, кандидатуры командующего протестантской армией рассматривал не только Иоганн Казимир, но и сама Елизавета I. Безусловно, пфальцграф выдвинул на эту должность своего главного фаворита Фабиана фон Дону, хотя о своей заинтересованности в руководстве операции неоднократно заявляли Филипп Брауншвейгский и Отто Люнебургский. Но эти две личности не устраивали королеву Англии. В конечном итоге выбор пал на персону прусского

¹⁴⁷Проконьев А.Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны //

Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники. Новые исследования. Новая периодизация. г. СПб, Москва, 2015. С. 195;

дворянина¹⁴⁸. Был назначен фельдмаршал – Людвиг Румпф. Казалось, что военная операция полностью соответствует запросам Иоганна Казимира.

23 августа 1587 года военная машина протестантов начала свое движение. В Эльзасе к немецкому воинству присоединились отряды гугенотов. Для французской стороны Фабиан фон Дона выступал как доверенное лицо пфальцграфа и представитель немецкого воинства. Отсутствие описания этих событий в автобиографии бургграфа лишает нас авторизованного взгляда главного участника на сам поход. Тем не менее, утраченные фрагменты дополняют как французские, так и немецкие источники¹⁴⁹.

В начале следования армии между немецкой стороной и французской возникали разногласия в целях экспедиции. Часто откладывались военные совещания на неопределенное время, французские коллеги часто склоняли немецкое руководство отойти от первоначального плана. Погодные условия негативно сказывались на продвижении войск, отсутствовало снабжение, подразделения не получали довольствия. Между Эльзасом и Лотарингией подразделения вступали в столкновения с мирным населением, разоряя всё на своем пути¹⁵⁰. Войска протестантов таяли – отставшие части воинства союзников гугенотов уничтожались преследовавшими их отрядами герцога Гиза. Католики умело вели переговоры с недовольными швейцарцами, которые нуждались в выплатах за службу от предводителя похода. В решающие моменты швейцарская пехота просто поворачивала назад. Протестантская армия несла несоизмеримые потери – к середине осени

¹⁴⁸*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 79;

¹⁴⁹*Friedrich von Bezold*: Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken; Bd. 3. München 1903 S.1-94; *Aubais*: Pièces typiques pour servir à l'histoire de France, Chaubert, 1765. S.33-41; *Memoires touchant la maison de Dona*. Handschrift aus der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Bruchstück aus ein grösseren Arbeit и т.д.

¹⁵⁰*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 86-87;

начался отход войск вдоль Луары в Бургундию¹⁵¹. Эпидемии и голод сильно истощили отряды евангелистов: больные и раненые были брошены по пути. Впоследствии с ними жестоко расправились обозленные местные жители и войска герцога Гиза. Взаимодействие пехоты и кавалерии во время похода практически не существовало. Войска не могли обстоятельно сделать привал для отдыха – на французской территории везде подстерегала опасность¹⁵².

В конечном итоге, в ноябре 1587 года Фабиан фон Дона с уцелевшими двумя тысячами воинов достиг Женевы – это был жалкий остаток когда-то мощной тридцатитысячной армии немецких протестантов¹⁵³. В Швейцарии состоялся ряд военных советов с участием Фабиана, на котором ему пришлось защищать свои интересы. Фактически весь 1588 год Дона проведет в попытках искупить свою вину перед пфальцграфом. Какое-то время «опальный фаворит» не будет появляться при дворе своего господина – друзья рекомендовали не возвращаться туда, ибо завистники уже напустили много слухов о провалах Фабиана фон Доны¹⁵⁴. Как утверждал сам бургграф – «всё, что мог сделать, то и сделал»¹⁵⁵. Вину за поражение Дона не отрицал, но не только он был повинен в неудаче похода. Иоганн Казимир был обеспокоен доносами на своего подопечного и сам взялся за выяснение обстоятельств. Тем не менее, к исходу 1588 года, оставшийся абсолютно без денег, Фабиан фон Дона прибывает в Гейдельберг ко двору пфальцграфа¹⁵⁶. Но вскоре прусскому дворянину пришлось отбыть на родину – брат Агаций

151[[]Ibid., S. 118;

152[[]Там же;

153[[]Интернет-ресурс: *Westenfelder, Frank*: «Die Hugenottenkriege. Das Grab des deutschen Adels» <http://www.kriegsreisende.de/neuzeit/hugenotten>;

154[[]*Christian Krollmann*: *Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna*. Duncker und Humblot, Berlin 1905.S. 62-63;

155[[]Ibid., S. 62;

156[[]Ibid., S. 63-64;

вновь вызвал его заняться делами семьи и посетить сейм в Варшаве, который созвал новый король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза в 1589 году¹⁵⁷.

В последнем десятилетии XVI века Иоганн Казимир пытается укрепить отношения с братьями по вере на востоке империи. Вновь на службе у пфальцграфа Дона получил шанс продемонстрировать свои навыки искусного дипломата в составе посольств в Плауэн (1590)¹⁵⁸ и Торгау (1591)¹⁵⁹. После ряда успешных переговоров, пфальцграф мог в очередной раз помочь сторонникам Генриха Наваррского и переломить ситуацию во Францию в пользу евангелистов. Военная элита Германии жаждала новой серьёзной военной компании, на которой можно было заработать доброе имя и приличную сумму.

Военная катастрофа 1587 года всё же не положила конец притоку немецких наемников и авантюристов во Францию. Через три года энтузиасты вновь попытались счастья на полях сражений – в августе 1591 года была подготовлена новая экспедиция в помощь гугенотам, под руководством Христана Ангальтского. Фабиан фон Дона в должности капитана принял участие в этой военной компании¹⁶⁰. Руководство принимало меры по борьбе с дезертирством и насилием. Подразделения заставляли приносить военную присягу командованию. Но и эти довольно жесткие меры не принесли положительных результатов: войска оставались без довольствия, подразделения промышляли грабежом и мародерством. За идущим воинством протестантской элиты тянулся шлейф из бродяг, проходимцев и бандитов. Как только войска ступили на французскую землю, с разложением дисциплины стало бороться просто бесполезно. Фабиан фон Дона на

¹⁵⁷Ibid., S. 65;

¹⁵⁸Ibid., S. 71;

¹⁵⁹Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S.78-79;

¹⁶⁰Ibid., S.78-79;

страницах своих мемуарах вспоминал, что постоянно приходилось отправлять на виселицу толпы нарушителей армейского порядка¹⁶¹. Зимой 1591 года немецкое войско подошло к Руану. Осада выдалась невероятно тяжелой: теплой одежды не хватало, в лагере осаждавших были проблемы со снабжением и оплатой довольствия. Подразделения протестантов оттянули на себя удар испанских сил под командованием Александра Пармского, но после долгих боев, в июле 1592 года частям немецких борцов за веру пришлось отступить¹⁶². Фабиан фон Дона охотно бы остался на службе короля Генриха IV как и многие его коллеги по военной акции, но усилия, предпринятые протестантами, были безуспешны. Вскоре покинул войско и Христиан Ангальтский в сопровождении бургграфа. Путь на немецкие земли пролегал через Цвайбрюккен и Казейрслаутерн. В конечном итоге, руководители похода прибыли к Гейдельбергу 30 июля 1592 года¹⁶³. Потери в живой силе были не такими значительными, как в походе 1587 года, однако денежные затраты были колоссальными – почти 3 млн. гульденов было потрачено на эту компанию¹⁶⁴.

Тем не менее, участие в компании 1591 года для Доны стало своеобразным оправданием за провал 1587 года. Его успехи были отмечены на высоком уровне – вплоть до будущего короля Генриха IV Бурбона¹⁶⁵. Теперь он мог спокойно возвращаться на службу к своему господину, даже несмотря на тяжелые потери в лагере протестантов и на неопределенный итог похода.

¹⁶¹Ibid., S. 82-83;

¹⁶²*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905, S.85-86.

¹⁶³*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 172-173;

¹⁶⁴Интернет-ресурс: *Westenfelder, Frank*: «Die Hugenottenkriege. Das Grab des deutschen Adels» <http://www.kriegsreisende.de/neuzeit/hugenotten>.

¹⁶⁵*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 173

К 90-м годам XVI века французские внутренние смуты отходят на второй план: в 1592 году умирает главный «идеолог» поддержки гугенотов извне пфальцграф Иоганн Казимир, ослабевает поток добровольцев, ратующих за продолжение борьбы во Франции. Успешный исход долголетнего кровавого противостояния в пользу предводителя французских протестантов Генриха Наваррского был очевиден¹⁶⁶.

§11. Возвращение в Пруссию

Известие о смерти любимого господина 16 января 1592 года серьезно разочаровало Фабиана фон Дону. Невосполнимая утрата доброго друга, наставника и милостивого господина постоянно напоминала о себе бургграфу, когда тот снова и снова возвращался в Гейдельберг. Курфюршеская корона досталась племяннику Иоганна Казимира Фридриху IV. Личность нового курфюрста не могла сильно сдерживать Фабиана на службе при пфальцском дворе. В течении нескольких лет Дона становиться редким гостем в когда-то горячо любимом «отчем доме» – резиденции курфюрста в Гейдельберге. Только по особой необходимости Фабиан фон Дона мог прибыть ко двору Фридриха IV. Фактически, последние годы XVI столетия бургграф провел на своей родине, решая насущные вопросы дворянской жизни. Всё же пару «пфальцских дел» он успел решить. В 1594 году Фабиан был отправлен делегатом от Пфальца на рейхстаг в Регенсбурге. Подобное поручение он выполнял и в 1597 году, присутствуя на рейхстаге там же до 1598 года¹⁶⁷. Через год бургграф присутствовал на собрании протестантской знати во Франкфурте-на-Майне с 12 февраля по 30 марта, на

¹⁶⁶Прокопьев А.Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны //

Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники. Новые исследования. Новая периодизация. г. СПб, Москва, 2015. С. 195-196;

¹⁶⁷Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 176;

котором обсуждались проблемы присутствие испанцев в близлежащих регионах¹⁶⁸.

Пфальцские дела отходят на второй план – Дона, вероятно, полагал, что фигура Фридриха IV как правителя Пфальца была совершенно несопоставима с личностью его дорогого господина Иоганна Казимира. Племяннику недоставало харизмы, благочестия, решительности в различных вопросах. Вероятно, именно персона нового правителя отчуждала всё дальше и дальше Фабиана фон Дону от гейдельбергского двора¹⁶⁹.

С начала XVII столетия представителя прусского дворянства всё более волнует очень шаткое положение правящего дома герцогства Пруссии: ни у слабоумного герцога Альбрехта Фридриха, ни у его опекуна, двоюродного брата Георга Фридриха не было наследника. Безусловно, над самобытностью немецкой дворянской общности в Пруссии нависла серьёзная угроза – без наследника из дома Гогенцоллернов огромная сословная корпорация попадала в руки польского короля, который намеревался сделать эту землю ещё одним воеводством Речи Посполитой.

На решении Фабиана фон Доны покинуть пфальцские земли сказалась нелюбовь к польскому естеству, которое он не переваривал с ранних лет, хотя и был воспитан среди польских служащих короны. Не допустить переход земель в домен короля Речи Посполитой – было для него делом чрезвычайной важности. Однако, в будущем противостояния маркграфа Иоганна Сигизмунда и польской короны «заставят появиться на голове огромное количество седых волос»¹⁷⁰. Дипломатический путь решения

¹⁶⁸ Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905.S. 92;

¹⁶⁹ Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 174-175

¹⁷⁰ Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905.S. 95-96;

вопроса о наследовании выделялся прусскому дворянину наиболее конструктивным.

В начале 1600 года Дона всё же прибывает на Родину. Он посещает и Кёнигсберг, и Морунген. Буквально сразу же по прибытии Фабиан оказался в нужном месте – опекун герцога Георг Фридрих предложил дворянину послужить на благо родного края. Пфальцская карьера дипломата и военачальника заинтересовала правящий дом герцога. Маркграф Иоганн Сигизмунд чуть позже так же будет нуждаться в помощи энергичного дворянина. В 1601 году Дона уже представляет интересы Бранденбурга на Варшавском сейме¹⁷¹. Первое время старая дворянская корпорация была сильно обеспокоена появлением при дворе герцога пфальцкого клиента, о деяниях которого они были наслышаны. Лютеранская элита Пруссии знала о совместных делах Доны с Иоганном Казимиром по возвращению Пфальца в лоно учения Жана Кальвина. Когда речь шла о назначении прусских епископов, в переговорах местная элита решительно выступала против предложений Фабиана фон Доны. Его это, надо сказать, обижало и расстраивало¹⁷².

Формально в 1603 году бургграф находился на службе у пфальцкого курфюрста. В этом же году Дона посещает рейхстаг в Регенсбурге, где выступает представителем Пфальца. Однако в Пруссии кардинально меняется ситуация: умирает Георг Фридрих и управление регионом полностью ложилось на плечи опекуна совета. Совещательный орган мог быть созван лишь с позволения короля Речи Посполитой, однако попытки создать управляемую короной ассамблею были остановлены бранденбургскими родственниками недееспособного герцога. Компромисс всё же нашли – отложить все решения по данному вопросу до следующего

¹⁷¹*Christian Krollmann*: *Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna*. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S. 95;

¹⁷²*Hans Georg Schmidt*: *Fabian von Dohna*. Niemeyer, Halle 1897. S. 184-185;

сейма. В конечном итоге польская корона признала опеку бранденбургского курфюрста Иоахима Фридриха над слабоумным герцогом Альбрехтом Фридрихом. В это же время Фабиан фон Дона, освободившийся от пфальцских вопросов, в течение года проводил инспекцию военных подразделений герцогства по поручению нового регента на случай всевозможных ситуаций. В письме от 5 ноября 1603 года от курфюрста прозвучали слова благодарности в адрес Фабиана фон Доны и предложения продолжить службу при бранденбургском дворе¹⁷³. Следует заметить, что выполнение важных поручений предполагало награждения ленами, однако Дона не спешил принимать подарки. В феврале 1604 года он публично отказался от предложенного ему 14 января лена Либемюле (современный Миломлын). Вероятно, участие в жизни прусского региона было для бургграфа безвозмездным, сродни обязательством перед родной семьёй и местной дворянской корпорации, которая способствовала его карьерному и профессиональному росту как дипломата и военного¹⁷⁴.

При Иоахиме Фридрихе Дона добился значительных успехов. В 1607 году от курфюрста он получил титул верховного бургграфа – одного из четырёх членов совета при герцоге Пруссии. Поездки в Варшаву, Кёнигсберг, Берлин, Дессау по чрезвычайно важным вопросам стали обыденностью. Безусловно, у такого успешного дворянина, искусного дипломата появились завистники и враги среди прусских подданных, которые желали его немедленной отставки. Главным аргументом недоброжелателей принадлежность к другой конфессии – бургграф справлял все религиозные обряды по кальвинистскому образцу. Однако регент герцога смотрел на его церковные предпочтения сквозь пальцы. Дона был очень полезным человеком при бранденбургском дворе – опытный дипломат, который тонко

¹⁷³*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 188;

¹⁷⁴*Ibid.*, S. 189-190;

чувствовал непростое положение прусского домена и разбирался в специфике региона¹⁷⁵.

Уже через год, в 1608 году новый регент Иоганн Сигизмунд¹⁷⁶ (сын Иоахима Фридриха, муж старшей дочери Альбрехта Фридриха) смог лично познакомиться с Фабианом фон Доной. Бургграф оставался сторонником защиты интересов прусского герцогства при правящем доме Гогенцоллернов, создание системы коллективной обороны региона, проект которой часто отклонялся городскими властями Кёнигсберга. В первом десятилетии XVII века на территории Пруссии разразилась настоящая дипломатическая схватка между сторонниками бранденбургского курфюрста и приверженцев польской короны. На прусских ландтагах 1608, 1609 и 1612 года Фабиан фон Дона не оставлял шанса своим недоброжелателям¹⁷⁷. Реализация проектов с Иоганном Сигизмундом по поэтапному обретению прусскими землями независимости от польской короны отнимала огромное количество сил у уже не молодого дворянина. Напряженные переговоры с городскими властями, нападки со стороны недоброжелателей, как правило, представителей лютеранской ортодоксии не могли положительно сказаться на здоровье шестидесятидвухлетнего дипломата¹⁷⁸.

В 1612 году Фабиан фон Дона снимает с себя все служебные обязанности – болезни истощили его, бургграф стал чаще задумываться о своем здоровье и благородном существовании в рамках прусской дворянской корпорации. Служба требовала огромной самоотдачи – физическое состояние Фабиана фон Доны совершенно не соответствовало занимаемой им

¹⁷⁵*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 212-213;

¹⁷⁶*Johannes Schultze*: Johann Sigismund. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 10, Duncker & Humblot, Berlin 1974, S. 475;

¹⁷⁷*Nissen, Werner*: Dohna, Fabian von. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;

¹⁷⁸*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 215;

должности¹⁷⁹. В продолжении предприятий умелого дипломата бранденбургские регенты больше не нуждались – 16 октября 1612 года Кёнигсберг присягнул на верность Иоганну Сигизмунду, а за год до этого события курфюрст получил ленное право на Пруссию. Но в 1613 году правитель Бранденбурга удивил все прусские земли и встревожил польскую элиту своим переходом в кальвинизм. Такой смелый шаг был неслучайным: курфюрст хотел обрести новых влиятельных союзников из Голландии в приобретении княжества Юлих-Клеве, наследницей которого являлась супруга недееспособного герцога Альбрехта Фридриха Мария Элеонора, которая покинула мир 1 июня 1608 года. Не все социальные прослойки прусского общества того времени могли понять эти династические хитросплетения. Серьёзных изменений на конфессиональной карте Пруссии не произошло: интересы Иоганна Сигизмунда столкнулись со стремлениями его жены, ревностной лютеранки Анны Прусской, которая остужала пыл своего супруга¹⁸⁰.

В том же 1613 году, перед поездкой из Пруссии в Берлин, Иоганн Сигизмунд оставляет своему почтенному подданному во владение лен Карвинден (современные Карвины) для дальнейшего благородного существования влиятельного прусского дворянина. После смерти старшего брата Агация в 1619 году, на плечи пожилого господина легла забота о племянниках – членах семейной корпорации. Племянники быстро приобщились к религиозным предпочтениям своего дяди, а он в свою очередь занялся их обучением в традициях учения Кальвина. Однако очень часто Фабиан фон Дона подчеркивал необходимость союза между кальвинистской и лютеранской конфессиями¹⁸¹.

¹⁷⁹ Ibid., S. 217;

¹⁸⁰ Axel Gotthard: Zwischen Luthertum und Calvinismus (1598–1640), in: Preussens Herrscher, Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II., hrsg. v. Frank-Lothar Kroll, 2. Aufl., München 2001, S. 74-94

¹⁸¹ Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 221

В последние годы жизни Дона посвятил огромное количество времени образованию: он постоянно пополнял свою личную библиотеку, изучал историю, штудировал сочинения известных деятелей Реформации. Несмотря на полную непричастность к делам прусского герцогства, Дона по средствам личной переписки с друзьями и родственниками часто интересовался новостями из Пфальца и Бранденбурга. Бургграф стремился сохранить знания по изученным восьми языкам, которыми он владел либо частично, либо в совершенстве. Часто дворянин упражнялся письмом или речью. Охотно вспоминал былые времена, с тоской он думал о своём господине и добром друге пфальцграфе Иоганне Казимире. С гордостью рассказывал о посольствах, в которых ему довелось бывать у короля Польши, датского монарха, императора Священной Римской Империи и у огромного количества княжеских особ¹⁸².

Мысли о скором конце сопровождали Фабиана фон Дону в повседневных делах. Вскоре он начал готовиться к встрече с Всевышним: ежедневно пел псалмы, читал Библию, не отходил ко сну без молитвы и хвалебных слов в адрес Господа¹⁸³. Дона оставался абсолютно один: прямых наследников у него не было и он никогда не был женат. Когда недуг полностью ослабил дворянина, бургграф составил завещание, в котором имущество передавалось его родным племянникам. Всё же Дона надеялся передать документ лично бургомистру Морунгена, но болезнь заставила дворянина отдать завещание трем старшим племянникам на смертном одре¹⁸⁴.

4 июня 1621 года Фабиан фон Дона отправился в лучший из миров. Он был погребен на кладбище у церкви в Морунгене. Племянники установили

182[[]*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 223

183[[]*Ibid.*, S.224

184[[]Там же.

простой надгробный камень с надписью: «Niemand meinen Tod beweinen soll, ich leb in Gott, und mir ist wohl»¹⁸⁵.

Потомки и друзья могли обратиться к личным документам, запискам и жизнеописанию бургграфа Фабиана фон Доны, написание которого он закончил в 1606 году¹⁸⁶. Память о нём была увековечена во всевозможных воспоминаниях наследников из рода фон Дона, а так же на Алее Победы в Берлине. Среди представителей династии Гогенцоллернов имеется мраморный бюст бургграфа Фабиана фон Доны, который изображен со шрамом на голове, полученным в известном походе 1587 года на помощь к гугенотам. Важно отметить, что фигура Фабиана фон Доны, как и других немецких протестантов, была важна для Гогенцоллернов, перешедших в 1613 году в кальвинизм: она оправдывала обращение в новую веру и принципы давней солидарности с единоверцами, особенно в ситуации после Тридцатилетней войны. Когда французские эмигранты сами искали приюта в Берлине при Фридрихе Вильгельме Великом.

На современном этапе вполне оправданным видится интерес исследователей дворянских корпорации Империи к изучению биографии этого представителя немецкой элиты раннего Нового Времени. На обширных ландшафтах немецких земель на протяжении всего XVI века историки имеют дело с дворянскими портретами, чьи заслуги были оценены на полях сражений. Здесь же мы видим совершенно иную картину: благородное происхождение, получение фундаментальных знаний и хорошее образование, коммуникабельность, успешная дипломатическая карьера, неудачи в военном деле. Персону Фабиана фон Доны всецело можно отнести к ярким представителям так называемого «дворянства мантии» – знатных особ, чьи деловые качества пригодились при дворах монархов и княжеских

185С нем. «Никто не должен оплакивать мою смерть. Я живу у Бога и мне хорошо».

186¹Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905.S. 105;

корпораций, чья занятость стала ассоциироваться с государственной службой.

Глава №2

§12. Автобиография Фабиана фон Доны: автор в тексте документа

Взяв во внимание особенности и специфику немецкой мемуаристики XVI–XVII вв., следует перейти к анализу исторического документа. В данном разделе работы нас будет интересовать не отражение каких-либо знаковых событий для истории немецких земель раннего нового времени, а, прежде всего, самооценка и рефлексия автора на переломные моменты в его биографии, инициацию в дворянской корпорации, взаимоотношения с патронами и семьей. Первостепенной задачей видится раскрытие в тексте понятий несвойственных жанру автобиографии раннего Нового времени, таких как рассуждение, оценка, анализ.

Автобиография Фабиана фон Доны в этом смысле не исключение: большая часть жизненного пути, которую автор выплеснул на страницы рукописи, изобилует преимущественно фактическим материалом. Встречи, поездки, выполнение различных заданий дипломатического характера, участие в боях – все эти моменты встречаются письменном источнике. Но есть и отдельные фрагменты, где автор прибегает к воспоминаниям, высказывает собственное мнение, оценивает произошедшее, пишет небольшие пассажи в свою защиту, оправдывается и поясняет знающему читателю, что же его побудило совершить тот или иной поступок.

Через последовательный анализ наиболее ярких отрывков из произведения прусского дипломата мы сможем выяснить, какое место занимает рефлексия на аспекты жизненного пути и окружающего мира героя

собственной истории. Оценочные суждения, информация нетипичного характера, воспоминания – все эти моменты помогут сформировать представление о реалиях, в которых пребывало немецкое дворянство, разрываясь между имперскими сословными корпорациями и польской знатью. Важно отметить причину повествования или же акцентирования внимания читателя документа на отдельное событие, отрывок из воспоминаний.

Следует сразу же отказаться от комплексного анализа документа на предмет выявления отношения персонажа к различным корпоративным структурам общественной жизни имперских земель раннего Нового времени. Сам стиль повествования автора не дает найти какие-либо оценки деятельности императора, церковной организации, сословной элиты и семейной корпорации. Фабиан фон Дона просто оставляет без внимания, казалось бы, основы, на которых зиждется мирозерцание человека Средних веков и раннего Нового времени. Упомянутые вскользь контакты, встречи не дают полного представления о конкретном месте общественных структур в жизни дворянина. Скорее это лишь попытка следовать определённому канону, матрице, пространство которой заполняется знаковыми фигурами и событиями тех лет – к примеру, победа при Лепанто¹⁸⁷, рейхстаг в Регенсбурге¹⁸⁸, Ливонская война¹⁸⁹, поездка в Виттенберг¹⁹⁰, Данцигская война¹⁹¹ и т.д. В документе перед нами встает образ человека над событиями – он может совершенно оправданно вставлять в страницы своего жизнеописания события, которые имели определяющее значение для истории и исторической памяти, создавая контраст между

¹⁸⁷*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905.S. 8;*

¹⁸⁸*Ibid.*, S.10;

¹⁸⁹*Ibid.*, S.33-35;

¹⁹⁰*Ibid.*, S.7;

¹⁹¹*Ibid.*, S.12;

внешним и внутренним миром автобиографии. Исторические повороты всемирного масштаба коррелируют с совершенно личными происшествиями в судьбе представителя дворянской корпорации. Такой событийный фон очень хорошо подчеркивает исключительность автора, прежде всего, для потомков, друзей и коллег по сословию.

Большую информативную ценность в документе составляют частные моменты: мимолетные воспоминания, эмоциональные всплески, особенности, оправдательные речи, суждения и оценки. Безусловно, к разбору именно этих пунктов хотелось бы перейти далее.

- *Жизненный путь в зеркале самооценки*

Путь представителя мелкого дворянства Пруссии в высшие эшелоны сословной элиты Германии в данном документе может рассматриваться на основе рассуждений и умозаключений автора с ярко выраженной эмоциональной окраской. Специфика эгодокумента такова, что подобные фрагменты встречаются не часто. Как правило, на последних страницах жизнеописания главный герой благодарит Господа Бога за такую судьбу, а так же всех его окружающих персон¹⁹². О положительной или отрицательной оценке своей биографии автор не делится с читателем, но косвенно демонстрирует весь масштаб произошедшего, а так же роль собственного участия в знаковых событиях второй половины XVI – начала XVII вв. Самооценка же появляется в отдельных и наиболее важных и определяющих моментах для создателя сочинения. К обзору отдельно взятых фрагментов хотелось бы перейти далее.

Очень хорошо Фабиан иллюстрирует свои переживания в отрывке, где описан пеший турнир, в котором он участвовал в 1579 году, вместе со своим любимым господином пфальцграфом Иоганном Казимиром. Дона пишет о

¹⁹²Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.103-105;

том, что в азарте он нанёс ощутимое количество ударов своему противнику. Автор использует выражение «позволил себе слишком много»¹⁹³ в данной ситуации – осознанно оценивает произошедшее и совершенно себя не оправдывает. За такую прыть Дона получил от пфальцграфа прозвище «Польский бык» сразу после участия в турнире¹⁹⁴. Однако, насколько можно оценивать это высказывание как упрек или оскорбление в адрес прусского дворянина? И уместно ли вообще говорить о чувстве вины автора за данное происшествие?

Проанализировав отношения между подданным и пфальцграфом, можно заметить, что на протяжении всего повествования Доны Иоганн Казимир никогда не выступает в негативном свете. Об этом свидетельствуют строки безмерной благодарности и открытого уважения к своему господину. И даже после смерти пфальцграфа Фабиан фон Дона не бросает свой взор на какие-то частные моменты, связанные с персоной Иоганна Казимира, которые, вероятно, могли бы появиться на страницах жизнеописания у особо приближенного прусского дворянина и могли быть преданы огласке через определенное количество времени¹⁹⁵. Встречаются лишь тёплые воспоминания о совместно проведенном времени, о личных качествах господина, о событиях, связанных с Иоганном Казимиром.

Фрагмент текста, описывающий данную ситуацию, свидетельствует скорее не об осознании содеянного, а о гордости за проявленную активность в поединке и оценку происходящего пфальцграфом. Выражение, употребленное любимым господином и добрым другом Фабиана фон Доны, расценивается как шуточное высказывание. Оно иллюстрировало упорство и неистовый нрав своего приближенного. Причина, по которой этот сюжет

¹⁹³Ibid., S.26;

¹⁹⁴Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 26;

¹⁹⁵Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 223

предался огласке в тексте жизнеописания, может крыться в желании автора в очередной раз подчеркнуть авантюристский характер своей службы при пфальцском дворе. Знакомом дипломатических тонкостей Дона станет намного позже, а в процессе карьерного роста он, безусловно, должен был отстаивать своё благородное происхождение и дворянское достоинство на турнирах и в сражениях. Образу представителя военной элиты Германии просто необходимо было соответствовать, чтобы пользоваться уважением коллег по сословию.

В контексте данного подраздела очень показателен небольшой фрагмент текста, где приведены причины неудачи и оценки злополучного похода немецких протестантов во Францию в 1587 году, которым руководил сам Фабиан фон Дона. Служащий пфальцкого двора открыто заявляет, что перед началом похода он «всё, что мог сделать, то и сделал»¹⁹⁶. Автор так же поясняет, что на протяжении всего похода в его обязанности входила работа только с личным составом из немецких земель. Дона не отторгает всевозможные информационные источники по данной экспедиции. «Все что писали про поход – это верно, но не я один виновен был»¹⁹⁷ эти строки в своё оправдание оставил Фабиан фон Дона.

Ситуация сложилась таким образом, что после грандиозного фиаско, недруги Доны, которых он не называет, активизировали свои действия по отстранению прусского дворянина от дел гейдельбергского двора. Масло в огонь подлила французская сторона – письмо сеньора де Шатильона пфальцграфу Иоганну Казимиру о походе 1587 года, где вина за поражения и неудачи полностью легла на Фабиана фон Дону¹⁹⁸. С содержанием письма опальный подданный Пфальца был не знаком, однако он впоследствии

¹⁹⁶Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.62-63;

¹⁹⁷Ibid., S.62;

¹⁹⁸Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 143-145;

утверждал, что в повествовании французов были реальные обстоятельства похода. В своем жизнеописании дворянин указал на то, что гугеноты хотели обелить себя, однако работа их разведки во время похода оставляла желать лучшего¹⁹⁹.

Эффект разорвавшейся хлопушки не сработал – письмо не вызвало резонанса в кругу приближенных к пфальцграфу. Иоганн Казимир фактически сразу же навёл справки и провел небольшое расследование, чтобы разобраться с причинами провала похода²⁰⁰. Информации о каких-либо наказаниях и штрафных санкциях по отношению к Фабиану на страницах автобиографии не нашлось места. Господин, вероятно, помиловал своего верного слугу. И тут же автор бросается в раздумья: «господин Шатильон мог написать и оправдательное письмо»²⁰¹, ведь в руки к самому дипломату оно не попало. Но, тем не менее, не смотря на все нападки со стороны, о которых говорит Дона, он всё же не подает вида и старается выглядеть достойно в глазах пфальцграфа – именно так он мотивирует свои поступки на данном этапе своей биографии²⁰². Господина всё ещё беспокоят доносы со стороны на своего подданного, который вернулся из неудачной военной операции во Франции. О недоброжелателях слуга пфальцского дома Виттельсбахов оставляет небольшие соображения – им, безусловно, хотелось очернить успешного дипломата и близкого друга Иоганна Казимира, а так же пробиться в высшие эшелоны знати пфальцского двора в Гейдельберге²⁰³.

199³Ibid., S. 145-146;

200⁵*Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.62;*

201⁴Ibid., S.63;

202⁴Ibid., S.64;

203⁴Ibid., S.64;

В конце пассажа о разбирательствах вокруг похода 1587 года идет несколько слов о тёмных сторонах военной операции: насилии и мародерстве²⁰⁴. Скорее здесь передан сам факт наличия этих компонентов любой военной акции – не более того. Причина умышленного забвения проста – автор, вероятно, не хотел накалять и без того опасную для него обстановку до предела дабы не дискредитировать себя в глазах читателя²⁰⁵. Об упущениях, за которые ему пришлось нести ответственность, Фабиан фон Дона не говорит вообще²⁰⁶.

Подытожив, можно сказать, что в жизнеописании представителя прусской элиты раннего Нового времени присутствуют фрагменты, где автор конструктивно поясняет мотивы совершенных ранее действий. Мы видим оправдания в хладнокровной и расчетливой манере: в основе факт, далее – рассуждения и комментарии, не отличающиеся художественной выразительностью и большим объемом. В данном случае, совершенно обоснованным видится тезис об особой матрице мемуаров и автобиографий XVI–XVII веков, где определяющим является само событие, сам факт, а не эмоционально окрашенный фон рассуждений и описаний, который характерен для эгодокументов современности.

- *Ближайший и дальний круг: родня, друзья, патроны*

Семейные связи и отношения с родственниками фигурируют в тексте документа очень не часто. Родители Фабиана фон Доны упоминаются вскользь: в начале повествования дворянин просто оставляет данные своей матери и отца, сообщает об их кончине²⁰⁷ и на последних строках своего

²⁰⁴ Ibid., S.62-63;

²⁰⁵ Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 146;

²⁰⁶ Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.65;

²⁰⁷ Ibid., S.1

жизнеописания сердечно благодарит Петера фон Дону и Катарину фон Цемен за возможность жить на белом свете и стать успешным человеком²⁰⁸.

Отдельно следует выделить отношения с родными братьями. На страницах жизнеописания бургграфа фигурирует персона старшего брата Агация фон Дона – высокопоставленного советника при прусском герцоге²⁰⁹. После потери отца и матери, защита интересов семейной корпорации и опека над младшим из братьев выпала именно ему. Особенно подчеркивает этот факт сам Фабиан: в письменном свидетельстве бургграфа предстает как глава прусского дворянского рода, который всегда держал руку на пульсе всех событий, происходившими с членами семьи. Раздел наследства, поездки на ландтаги и рейхстаги, военные походы и обучение брата – все эти вопросы волновали Агация²¹⁰. Именно он настоял на том, чтобы юный Фабиан учился при дворе прусского герцога²¹¹, а позднее – в Страсбурге²¹². За финансовым благосостоянием юнкера опять же следил Агаций: ссуды на обучение, поездки и развлечения – старший брат долгое время не отказывал в материальной помощи непутёвому студенту. Достаточно продолжительный отрезок времени фигура Агация фон Доны играла большую роль в жизни будущего дипломата, но в тексте автобиографии мы можем обнаружить лишь отдельные факты, фрагменты, где время от времени появляется глава прусского семейства. Всё же, небольшой и достаточно яркий эпизод с участием Агация в документе присутствует. Связан он с описанием Фабианом фон Доной своего участия в Ливонской войне. «Я, бывший всегда против всего польского образа жизни, абсолютно не хотел ехать туда»²¹³. Совершенно не имея желания воевать за польскую корону, Фабиан пытается

²⁰⁸Ibid., S.103-104

²⁰⁹Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 7;

²¹⁰Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 10,12,33

²¹¹Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.2

²¹²Там же;

отстранить как можно дальше себя от дел военного сословия Речи Посполитой. Однако старший брат Агаций настаивает на участии Фабиана в войне, ибо этот жест немецкого дворянства в будущем хорошо скажется на положении прусской элиты под покровительством польской короны в Восточной Пруссии. Сам Фабиан фон Дона искал причины, чтобы не ехать в Россию на войну. Но интересы прусского дворянства оказались сильнее отговорок, которые искал Дона. Глава семейства Агаций очень настаивал на участии Фабиана в войне против войск Ивана IV. По данным биографии Фабиана фон Доны Остров сдается 20 августа. В это время Дона воюет вместе с поляками, венграми, немецкими наемниками в окопах у Пскова. В одном из боев пуля пробивает колет Доны, но он остается жив²¹⁴.

Фактически до полного завершения текста автобиографии имя Агация фон Доны не сходит со страниц. Подданный прусского герцога прожил долгую жизнь и оставил после себя потомков, с которыми Фабиану придется встретиться в старости. Агаций умирает в 1613 году прямо на закате карьеры при бранденбургском дворе своего младшего брата²¹⁵.

Об остальных ближайших родственниках Дона практически ничего не повествует читателю его рукописи. Периодически в тексте мелькают известия о приезде братьев Авраама²¹⁶, Фридриха²¹⁷, Генриха²¹⁸. Кроме информации о времени и месте смерти своих ближайших родственников и разделе их

213[□]*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.28

214[□]*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 35;

215[□]*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 220-222;

216[□]*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S., S.5;

217[□]*Ibid.*, S. 9-10;

218[□]*Ibid.*, S.2;

имущества, мы не можем найти в документе каких-либо других данных об отношениях с братьями.

Дружественные связи с коллегами по сословию занимают, пожалуй, не самое важное место в жизнеописании прусского дипломата. Безусловно, мы увидим заметки о встречах, мероприятиях, контактах, но они не смогут показать наиболее полную картину отношений Фабиана фон Доны со своими товарищами и друзьями. На первых страницах документа внимание на себя обращают польские приятели Доны – Племинский, Компацкий, Ольховский и Войановский. Из общего ряда друзей из детства выделяется Агаций Племинский – будущий гауптман Шёнзи, с которым Фабиан проводит много времени, посещая гимназию в Торне²¹⁹. Каких-либо оценочных суждений и описательных пассажей Доны о своих друзьях детства не оставляет. Тем не менее, по возвращению в Пруссию, будучи успешным дипломатом, Доны использует свои старые связи для достижения целей бранденбургских Гогенцоллернов в регионе. В данном контексте следует отметить один из сюжетов итальянского «вояжа» будущего пфальцского подданного. Во время поездки по Италии, Доны знакомится с представителями немецкой сословной элиты – советником пфальцграфа Людвигом фон Гуттенем и протестантским миссионером Вольфгангом Цюнделином²²⁰. Совместное времяпрепровождение и путешествие по Аппенинскому полуострову не могло закончиться ничем – вероятно, по рекомендации Людвиг фон Гуттена, который был близок к гейдельбергскому двору, Доны попадает на службу в конце 70-х годов XVI века к своему главному патрону – пфальцграфу Иоганну Казимиру²²¹. Подобные дружественные отношения с коллегами в автобиографии имеют косвенный характер.

219[□]*Christian Krollmann*: *Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna*. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.1;

220[□]*Ibid.*, S. 7;

221[□]*Hans Georg Schmidt*: *Fabian von Dohna*. Niemeyer, Halle 1897. S. 12-14;

Ситуация изменяется лишь тогда, когда Фабиан фон Дона обрывает патрон-клиентскими связями – рассказ автора заметно преобразуется. Ряд достаточно ярких воспоминаний в автобиографии Фабиана фон Доны посвящен персоне пфальцграфа Иоганна Казимира – любимому господину и дорогому другу. Не случайно прусский дворянин на протяжении огромного временного отрезка пишет о персоне своего патрона. Достаточно проследить в биографии Доны место, которое занимает хозяин пфальцского двора и душа всех военных компаний протестантов во Франции. С первых лет пребывания в Гейдельберге обычный прусский дворянин превращается в уважаемую личность и надежного партнера пфальцских Виттельсбахов. Всевозможные поручения, задания, личные просьбы «его графского величества» – в этом и состояла служба Фабиана фон Доны в Пфальце. Вскоре обыкновенное исполнение своих служебных обязанностей переросло в нечто большее – появилось доверие, общие идеи и дружба²²².

Крайне любопытны отметки в автобиографии за 1579 год. Уроженец Восточной Пруссии оставляет целый фрагмент, где Иоганн Казимир предстает перед исследователем как самый благородный и добропорядочный правитель. Вернувшись в Гейдельберг, ко двору дорогого и любимого господина, Дона ощущает себя «как тот, кто после долгого отсутствия возвращается в отчий дом»²²³. Далее верный слуга гейдельбергского двора повествует о том, как он скучал по Иоганну Казимиру, а так же о том, как «мысли о его графском величестве заставляли землю уходить из под ног»²²⁴. Далее Дона оставляет слова благодарности, а так же признается в сердечной любви к своему господину²²⁵.

²²²*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S.15,20,24;

²²³*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin 1905. S.26

²²⁴*Ibid.*, S.27;

²²⁵*Ibid.*, S.28;

Стоит заметить одну очень важную деталь – наряду с дифирамбами, посвященными пфальцграфу, осталась заметка, о предложении Иоганна Казимира взять на себя руководство регентским советом, пока настоящего хозяина Пфальца не будет на месте. Однако тут же Фабиан фон Дона заявляет о том, что на столь великодушное предложение он ответил вежливым отказом²²⁶. Скромное поведение вовсе не означало разрыв каких-либо близких и доверительных отношений между персонами – Фабиан фон Дона пообещал пфальцграфу остаться ещё на год при дворе в качестве верного слуги.

Яркие, эмоциональные, но очень немногочисленные отрывки текста ясно дают понять, что взаимоотношения Фабиана фон Доны и пфальцграфа Иоганна Казимира не выглядят простыми патрон-клиентскими связями, а предстают перед читателем как крепкие товарищеские и деловые отношения. Оба – ревностные протестанты, ратующие за дело Реформации. Один – душа компании и идеолог, фактически, спонсор, другой – примерный исполнитель и тонкий дипломат. Альфа и омега борьбы за независимость западных коллег под евангельскими знамёнами. Даже после смерти в 1592 году Иоганна Казимира, Дона не смог отказаться от упоминаний его персоны в своей биографии. Призрак пфальцграфа долгое время будет нависать над прусским дипломатом, который так и не примет нового владельца резиденции в Гейдельберге²²⁷.

В контексте обсуждения фигуры Иоганна Казимира, на страницах автобиографии Доны возникает крайне любопытный сюжет. Часто личные истории оставались за кадром в эгодокументах средневековья и раннего нового времени, а порой и вовсе отсутствуют. В рукописи прусского дипломата встречается история из детства пфальцграфа Иоганна Казимира, которую господин рассказал в приватной беседе Фабиану фон Доне.

²²⁶Ibid., S.27;

²²⁷*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 174-175;*

Когда будущий наследник Пфальца был совсем юн и неопытен, его величество пребывало в Нанси, где принимал немецкую делегацию сам король Франции Генрих II Валуа. Этот представитель правящей династии Валуа всегда был крайне доброжелательно настроен к протестантам, хотя сам таковым и не являлся. Король посадил к себе на колени совсем маленького пфальцграфа и стал задавать вопросы. Причем сам Дона приводит в документе реплики короля именно на французском. Генрих II спрашивал совсем юного Иоганна Казимира о том, не хочет ли он остаться в Нанси и т.д. Подытожив, король сказал совершенно гениальную фразу: «Какой маленький немец!». Фабиан фон Дона так же отмечал, что подобные истории, рассказанные пфальцграфом, очень увлекали прусского дипломата. С радостью он слушал эти истории – очень нравились они подданному пфальцского двора²²⁸.

Но при всех положительных характеристиках любимый господин Фабиана фон Доны предстает «хладнокровным и расчетливым»²²⁹ человеком. Именно такие прилагательные верный слуга пфальцского двора использует в описании фигуры Иоганна Казимира. Тем не менее, в жизнеописании прусского дворянина большинство ярких и экспрессивных пассажей связано с персоной представителя пфальцского дома Виттельсбахов. Влияние, которое оказал на Фабиана фон Дону его патрон нельзя переоценить – его поддержка дала старт долгоиграющим проектам будущего бургграфа, прежде всего, способствовала его популярности в определенных кругах. Ведь когда Дона вернулся на Родину, на него сразу же обратили внимание представители прусской ветви Гогенцоллернов. Своей карьерой Фабиан фон Дона, безусловно, обязан своему любимому господину Иоганну Казимиру. Именно поэтому персону пфальцграфа так превозносятся в тексте автобиографии талантливого дипломата и авантюриста Фабиана фон Доны. Фактически с

228¹ *Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.30*

229¹ *Ibid.*, S.31

1570-х по 1590-ые Дона находиться в поле зрения пфальцского двора, который постоянно присматривает за действиями своего подданного²³⁰.

В поле обзора фигуры Иоганна Казимира попадает отдельный отрывок из биографии Фабиана фон Доны, датируемый 1584 годом. Пфальцграф и его подданный отлично проводят время под Кюстином, где находят удовольствие в проведении хорошего банкета с фейерверком и выпивкой²³¹.

Пожалуй, на этом и оканчиваются наиболее эмоциональные пассажи Фабиана фон Доны о персоне любимого господина и доброго друга Иоганна Казимира. В контексте данных письменных свидетельств можно отметить особое отношение к персоне пфальцграфа – место, которое он занимает в автобиографии прусского дворянина, заслуживает отдельных исследований и дискуссий.

Дальнейшие взаимоотношения с новыми патронами будут носить совершенно другой характер. Новый наследник Пфальца Фридрих IV не удостоится подобной преданности и доброжелательного отношения со стороны прусского дипломата. Вполне очевиден контраст между двумя фигурами хозяев гейдельбергского двор – куда более харизматичный и решительный Иоганн Казимир затмевал собой менее сдержанного и робкого Фридриха IV. Смерть первого довольно серьёзно подкосила Фабиана фон Дону – пфальцские дела всё меньше начинают заботить дипломата. Через определенное количество времени он покинет пределы своего второго «отчего дома» и больше не вернётся. В тексте кроме обыденных упоминаний о службе Фридриху IV мы больше не сможем найти информации касательно нового курфюрста из дома Виттельсбахов²³².

230[]]*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 14

231[]]*Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 47-48;

232[]]*Hans Georg Schmidt*: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 175-177;

С именами бранденбургских курфюрстов Иоахимом Фридрихом и Иоганном Сигизмундом Дону связывали общие идеи и интересы в прусском регионе. С 1600 года дипломат переходит под полное покровительство Гогенцоллернов²³³. Работа на благо Родины, новые должности, награды и карьерный рост – всё это отражается в тексте, но о каких-либо близких отношениях между подданным и курфюрстами говорить не приходится. Дона использует формальные словесные обороты по отношению к своим патронам²³⁴. Отдельные сюжеты остаются на периферии сознания бургграфа.

В отражении автора, самой долговременной и прочной связью были отношения с пфальцграфом Иоганном Казимиром – ни одна персона в автобиографии прусского дипломата не была удостоена такого внимания, таких высокопарных изречений и положительных характеристик.

На данном этапе обзор немногочисленных отрывков текста биографии Фабиана фон Доны можно закончить. Отдельные яркие эмоциональный фрагменты выделяются на общем фоне и придают особый статус жизнеописанию Фабиана фон Доны, в котором дворянин представляется третейским судьей во всевозможных процессах и событиях.

233 Ibid., S. 181-183;

234 Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 88,91, 94,95;

Заключение

Автобиографию прусского дипломата Фабиана фон Доны вполне можно охарактеризовать как типичный эгодокумент эпохи раннего Нового времени. По всем канонам авторизованного сочинения Дона представляет читателю свой жизненный путь в свойственной тому времени манере. Перед нами эгодокумент, в котором мы видим повествование по хронологическому принципу, погодные записи событий, отрывочные сведения о личной жизни, достаточно подробные рассказы о поездках, контактах и службе. Цель создания подобного произведения следует связать с желанием продемонстрировать потомкам, а так же коллегам авторизованный взгляд на поворотные моменты в истории не только прусского региона, но и в целом Европы. Но посвящений, адресованных кому-либо просто невозможно найти в документе.

Отрывочность изложения на бумагу собственного мнения видится вполне не случайной. Личность Фабиана фон Доны – безусловно, воспринимается в духе своего времени и её восприятие окружающего мира не всегда чётко отражается в тексте автобиографии. Это может быть связано с личной позицией автора, который не мог позволить по ряду причин акцентировать внимание на описание отдельных событий, дабы не портить свою репутацию. Или же некоторые фрагменты собственного жизнеописания казались автору обыденными.

Затрагивая понятие самооценки в тексте эгодокумента стоит отметить, что характеристика автора того или иного события, поступка, происшествия

проявляется в ярких, но крайне редких фрагментах текста, где дворянин начинает рассуждать о мотивах и деталях. Такие воспоминания Доны связаны со службой при дворе Иоганна Казимира, прежде всего – с последствиями неудачного похода немецких протестантов в 1587 году на помощь гугенотом, где Фабиан отвечал за немецкую сторону дела²³⁵. Фактически, это единственная тема, на которую Дона обращает должное внимание в рамках своего жизнеописания. Этот факт видится совершенно не случайным, так как после провала военной компании во Франции положение Фабиана фон Доны при дворе довольно серьезно пошатнулось. Около года понадобилось дипломату чтобы попасть в Гейдельберг ко двору любимого господина и вновь получить привилегированное положение в Пфальце²³⁶. Оценивая весь жизненный путь в тексте жизнеописания, можно сказать, что отсутствие успеха предприятия протестантов во Франции – самая большая неудача на пути бурно развивающейся карьеры прусского дворянина, за которую Доне придется оправдываться достаточно долго²³⁷. К сожалению, взгляда самого участника на события и ход военной экспедиции не осталось.

Перед читателем мемуаров предстает образ прусского дворянина, который из обычного представителя мелкой знати на периферии Империи превращается в знатока всех дипломатических тонкостей и одного из влиятельных людей прусского герцогства начала XVII века.

Касаясь структурной социогаммы отношений с родственниками, друзьями и патронами складывается следующая ситуация: герой оставляет совершенно формальные записи о членах семьи, которые косвенно фигурируют во многих эпизодах биографии Фабиана фон Доны. Самая яркий представитель дворянской семьи в описании прусского дипломата –

²³⁵Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.62;

²³⁶Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 145-147;

²³⁷Ibid., S. 143;

это, безусловно, Агаций фон Дона²³⁸. Старший брат, глава семейства, опекун Фабиана – к его советам на протяжении всего жизненного пути Дона будет прислушиваться и выполнять его просьбы фактически безукоризненно. Влияние Агация на становление Фабиана фон Доны как видного деятеля протестантской дипломатии невозможно переоценить. В тексте эгодокумента старший брат выступает один из самых близких людей, который всегда следит за деятельностью своего младшего брата.

Отношения с коллегами по сословию и патронами не лишены формальностей и биографических штампов того времени. Без особого энтузиазма Дона рассказывает о контактах с товарищами, компаньонами²³⁹. Совершенно иными видятся отношения с патронами, а конкретно – с одним ярким представителем княжеской ассамблеи Священной Римской Империи. Пфальцграф Иоганн Казимир не только являлся вдохновителем всех военных компаний протестантов Империи во второй половине XVI века, но и могущественным покровителем, добрым другом своего слуги Фабиана фон Доны. На протяжении всего текста автобиографического свидетельства читатель имеет возможность сравнить отношение автора к персоне Иоганна Казимира с другими патронами, к примеру – бранденбургскими курфюрстами из рода Гогенцоллернов. Задушевные рассказы из уст пфальцграфа, встречи, совместное времяпрепровождение, переживания за мнение господина о своем верном слуге – всё это находит отражение в тексте сочинения прусского дипломата²⁴⁰. Полное доверие своему подданному (к примеру – назначение регентом в Гейдельберге) и всевозможная поддержка оставили след в памяти бургграфа, который будет к концу своей жизни часто

238[†] *Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S.2-3;

239[†] *Christian Krollmann*: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunckerund Humblot, Berlin 1905. S. 8,10,11;

240[†] *Ibid.*, S. 26-28,47-48,63-64;

вспоминать дорогого господина²⁴¹. Эти факты могут говорить лишь о том, что до самой смерти пфальцграф Иоганн Казимир, наравне с близкими родственниками, входил в орбиту особо приближенных людей к персоне Фабиана фон Доны.

²⁴¹*Hans Georg Schmidt: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897. S. 174-175;*

Список литературы и источников

Источники

1. Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Вступит. статья А. А. Столярова. — М.: «Ренессанс», СП ИВО - Сид, 1991. - 488 С.;
2. Жизнь Якова Андреэ, доктора теологии, описанная им самим с большой достоверностью и искренностью вплоть до 1562 г. от Рождества Христова// Память детства: Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III—XVI вв.)/ Под ред. В. Г. Безрогова. М.: Изд-во УРАО, 2001;
3. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Под ред. И.И. Толстого. М., 1993;
4. Марк Аврелий. К себе самому. / Пер. В. Б. Черниговского. М., Алетейа-Новый акрополь, 1998. 224 С.;
5. Петр Абеляр. История моих бедствий / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной ; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 2011. — 125 С.;
6. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). — М.: Мысль. Т. 1, 3. 1990-1993;
7. Полный перевод: Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. - М., 2012. - 1072 С.;
8. Руссо Ж.-Ж.: Избранные сочинения. М., 1961;
9. Салимбене де Адам. Хроника. Пер. с лат. И. С. Култышевой, С. С. Прокопович, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. Статьи О. Ф.

- Кудрявцева, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. Сост. В. Д. Савуковой. М.: РОССПЭН, 2004. 984 С.;
10. Састров В. фон. Рассказы о жизни / Пер. Е. Казбековой // Память детства: Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III--XVI вв.);
 11. Св. Игнатий Лойола. Рассказ паломника о своей жизни, или Автобиография. — Москва: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002;
 12. Adam Reißner: Historia Herrn Georgen vnnnd Herrn Casparn von Frundsberg, Vatters vnd Sons, Frankfurt am Main, 1568;
 13. Aubais: Pièces typiques pour servir à l'histoire de France, Chaubert, 1765;
 14. Bezold, Friedrich von: Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken; Bd. 3. München. 1903;
 15. Christian Krollmann: Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Duncker und Humblot, Berlin. 1905;
 16. Eckhart Leisering: Acta sunt hec Dresdene – die Ersterwähnung Dresdens in der Urkunde vom 31. März 1206, Sächsisches Staatsarchiv, Mitteldeutscher Verlag (mdv), Halle/Saale und Dresden 2005;
 17. Leben und Taten des weiland wohledlen und gestrengen Herrn Sebastian Schertlin von Burtenbach: Durch ihn selbst dt. Beschrieben. 1852;
 18. Reissner: Leben Frundsbergs. Frankfurt, 1620;
 19. Sugerii abbatis Sancti Dionysii Liber de re administratione sua gestis // Ibid. Col. 1211-1240.
 20. Teresa von Ávila: Das Buch meines Lebens. Herder, Freiburg 2001, 8. Auflage. 2013: übersetzt und herausgegeben von U. Dobhan, E. Peeters. (Gesammelte Werke Band 1), ISBN 978-3-451-05211-8 (Memento vom 27. Mai 2014 im Internet Archive));

21. Ulmschneider, Helgard: *Götz von Berlichingen: Mein Fehd und Handlungen*, Sigmaringen 1981.;
22. Интернет-ресурс: *Westenfelder, Frank*: «Die Hugenottenkriege. Das Grab des deutschen Adels»
<http://www.kriegsreisende.de/neuzeit/hugenotten>;

Литература

1. Зарецкий Ю. П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2008. Т. 58. № 2.;
2. Зарецкий Ю. П. Историки и автобиографии // В кн.: *Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред.: А. В. Кореневский*. Вып. 4. Ростов н/Д : Логос, 2009.;
3. Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков // *Социальная история. Ежегодник*. 2008. СПб., 2008.;
4. Прокопьев А.Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны // *Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники. Новые исследования. Новая периодизация*. г. СПб, Москва, 2015.;
5. Шушарин Д. В. *Две Реформации. Очерки по истории Германии и России*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.;
6. Biller, Thomas *Die Adelsburg in Deutschland. Entstehung, Form und Bedeutung*. München, 1993.;
7. Blickle Peter: *Der Bauernkrieg. Die Revolution des Gemeinen Mannes*, München 1998;
8. Blickle, Peter *Von der Leibeigenschaft zu den Menschenrechten. Eine Geschichte der Freiheit in Deutschland*. München, 2006;
9. Brendle, Franz; Schindling, Anton: *Religionskriege im Alten Reich und in Alteuropa*, Münster, 2006;

10. Breuer, U., Sandberg, B. Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur, Bd. 1: Grenzen der Identität und der Fiktionalität, München 2004;
11. Brunner, Otto Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmhards von Hohberg 1612-1688. Salzburg 1949;
12. Buck, A. Biographie und Autobiographie in der Renaissance, Wiesbaden 1983;
13. Dekker R.M.: Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. No 5.;
14. Drossbach, Gisela, Andreas Otto Weber, Wüst, Wolfgang : Adelsitze – Adels herrschaft – Adelsrepräsentation in Bayern, Franken und Schwaben. Ergebnisse einer Internationalen Tagung in Schloss Sinning und Residenz Neuburg a.d. Donau, 8.-10. September 2011 (Neuburger Kollektaneenblatt 160/2012 - Schwäbische Geschichtsquellen und Forschungen 27), Neuburg a.d. Donau, 2012;
15. Endres, Rudolf Adel und Patriziat in Oberdeutschland. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität. Unter Mitarbeit von Helmut Gabel. München: Oldenbourg, 1988;
16. Endres, Rudolf Adel in der frühen Neuzeit (= Enzyklopädie deutscher Geschichte 18), München 1993;
17. Endres, Rudolf: Der Fränkische Reichskreis, Haus der bayerischen Geschichte, Heft 29/03, Augsburg 2004;
18. Fischer, Richard: Zehmen, Achaz von. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 44, Duncker & Humblot, Leipzig 1898.;
19. Fischer, Richard: Achatius von Zehmen, Woywode von Marienburg. In: Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. Jg. 36 (1897);
20. Foelsch, Torsten: Schlodien & Carwinden. Zwei Schlösser in Ostpreußen und die Burggrafen und Grafen zu Dohna. 1. Auflage. Foelsch & Faselow Verlag, Groß Gottschow 2014, ISBN 978-3-9816377-0-0;

21. Fried, Johannes: Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik. Beck, München 2004;
22. Gotthard, Axel: Zwischen Luthertum und Calvinismus (1598–1640), in: Preussens Herrscher, Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II., hrsg. v. Frank-Lothar Kroll, 2. Aufl., München. 2001.;
23. Grimm, Heinrich Hutten, Ulrich. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 10, Duncker & Humblot, Berlin 1974;
24. Grossmann, Ulrich Burgenbauten in Mittelalter und Neuzeit. In: Ausst-Kat.: Mythos Burg, Ulrich Großmann (Hrsg.), Nürnberg, Germanischen Nationalmuseum, 2010;
25. Gusdorf, G.: Conditions and Limits of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. by J. Olney. Princeton, 1980.;
26. Hanna, Georg-Wilhelm Die Ritteradligen von Hutten, ihre soziale Stellung in Kirche und Staat bis zum Ende des Alten Reiches. Ministerialität, Macht und Mediatisierung. Hanau 2007;
27. Hartung, Fritz Die Geschichte des fränkischen Kreises 1521–1559, Leipzig 1910.;
28. Heicker, Dino Die Hohenzollern: Geschichte einer Dynastie., Berlin, 2012;
29. Heinz, Schilling Aufbruch und Krise. Deutsche Geschichte von 1517 bis 1648, Berlin: Siedler, 1988;
30. Hinterberger M. Autobiographische Traditionen in Byzanz. Wien, 1999.;
31. Hoensch, Jörg K. Die Luxemburger. Eine spätmittelalterliche Dynastie gesamteuropäischer Bedeutung 1308–1437. Stuttgart, 2000;
32. Holzfurtner, Ludwig Die Wittelsbacher. Staat und Dynastie in acht Jahrhunderten. Stuttgart , 2005;
33. Hornemann, Volker Ulrich von Hutten. In: Stephan Füssel (Hrsg.): Deutsche Dichter der frühen Neuzeit (1450–1600). Erich Schmidt, Berlin, 1993;

34. Hönn D. Fürst, Georg Paul: Sächsischen Rath und Amtmanns in Coburg
Lexikon Topographicum in welchem alle des Fränkischen Craises Städte,
Clöster, Schlösser, Markflecken, und Dörfer, deren alt- und neue
Benennung, Lage, lezt- vorige und jetzige Obrigkeiten und Besitzere,
geist- und weltliche Bediente, die Sehens- und Merkwürdigkeiten, Glücks-
und Unglücks-Fälle, Freyheiten, Stiftungen, und dergleichen, enthalten:
aus bewährten Urkunden, Schrift-Stellern, und ächten Nachrichten,
zusammen getragen. Lochner, 1747;
35. Hubatsch, Walther: Albrecht der Ältere. In: Neue Deutsche
Biographie (NDB). Band 1, Duncker & Humblot, Berlin 1953.;
36. Interpreting the Self: autobiography in the Arabic literary tradition / Ed.
D. Reynolds. Berkeley, 2001; Shoichi S., Craig T. The Autobiography in
Japan // Journal of Japanese Studies. 1985. Vol. 11, No. 2.;
37. Jahn, Wolfgang, Hamm, Margot, Brockhoff, Evamaria Adel in Bayern,
Ritter, Grafen, Industriearone. Lizenzausgabe für die Wissenschaftliche
Buchgesellschaft, Augsburg 2008; Sikora, Michael: Der Adel in der
Frühen Neuzeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 2009;
38. Jähns, Max Geschichte des Kriegswesens. 1880. Leipzig. Bd 1.;
39. Kamber, Peter Reformation als bäuerliche Revolution. Bildersturm,
Klosterbesetzungen und Kampf gegen die Leibeigenschaft in Zürich zur
Zeit der Reformation (1522–1525)., Zürich, 2009;
40. Klein, C. Handbuch Biographie. Methoden, Traditionen, Theorien.
Stuttgart, Weimar 2009;
41. Körner, Hans: Die Familie von Hutten. Genealogie und Besitz bis zum
Ende des Alten Reiches, in: Peter Laub und Ludwig Steinfeld (Bearb.):
Ulrich von Hutten : Ritter - Humanist - Publizist (1488-1523). Katalog
zur Ausstellung des Landes Hessen anlässlich des 500. Geburtstages.
Kassel 1988;
42. Lejeune, Ph.: Le pacte autobiographique. Paris. 1975.;

43. Man P. de.: *Autobiography as De-facement / Modern Language Notes* 1979. Vol. 94. P. 920;
44. Mascuch M. *Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791*. Stanford, 1996.;
45. Misch, G.: *Geschichte der Autobiographie*. M. 1969. 4 Bde;
46. Moraw P.: *Personenforschung und deutsches Königtum // ZHF*. 1975; Bd. 2.;
47. Nissen, Werner: *Dohna, Fabian von*. In: *Neue Deutsche Biographie (NDB)*. Band 4, Duncker & Humblot, Berlin 1959, S. 49;
48. Nünning, A. *Meta-autobiographien: Gattungsgedächtnis, Gattungskritik und Funktionen selbstreflexiver fiktionaler Autofiktionen*, in: Parry / Platen, 2007;
49. Nünning, Ansgar, Nünning, Vera (Hrsg.): *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven*, Metzler, Stuttgart. 2003;
50. Olney J. *Autobiography and the Cultural Moment // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. J. Olney*. Princeton, 1980.;
51. Pascal R. *Design and Truth in Autobiography*. L., 1960.;
52. Patzel-Mattern, Katja: *Geschichte im Zeichen der Erinnerung. Subjektivität und kulturwissenschaftliche Theoriebildung (= Studien zur Geschichte des Alltags. Band 19)*. Steiner, Stuttgart. 2002;
53. Pieper, Dietmar, Saltzweil, Johannes *Die Welt der Habsburger: Glanz und Tragik eines europäischen Herrscherhauses.*, Hamburg , 2010;
54. Press V. *Kaiser Karl V, König Ferdinand und die Entstehung der Reichsritterschaft*. Wiesbaden, 1976;
55. Rabe, Horst *Reich und Glaubensspaltung: Deutschland 1500 – 1600*, München:Beck 1989;
56. Ranft, Andreas *Adelsgesellschaften*. Thorbecke Verlag, Sigmaringen, 1994;

57. Räume des Selbst. Selbstzeugnisforschung transkulturell / Hg. Andreas Bähr, Peter Burschel, Gabriele Jancke. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007.;
58. Schauder, Karlheinz Franz von Sickingen. Institut für pfälzische Geschichte und Volkskunde, Kaiserslautern, 2006;
59. Schmidt, Georg Der Dreißigjährige Krieg. Beck, München, 2003;
60. Schmidt, Hans Georg: Fabian von Dohna. Niemeyer, Halle 1897.;
61. Schneider, Joachim Kommunikationsnetze des Ritteradels im Reich um 1500 (= Geschichtliche Landeskunde; Bd. 69), Stuttgart;2012;
62. Schneider, Joachim Spätmittelalterlicher deutscher Niederadel. Ein landschaftlicher Vergleich. Stuttgart 2003;
63. Schramm, Gottfried: Der Polnische Adel und die Reformation 1548-1607, Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz, Band 36, Abteilung Universalgeschichte, Herausgeber Martin Göhring, Franz Steiner Verlag GmbH, Wiesbaden 1965. Umfangreiche Erläuterungen zu Achatius von Zehmen;
64. Schraut, Sylvia Reichsadelige Selbstbehauptung zwischen standesgemäßer Lebensführung und reichskirchlichen Karrieren. In: Walter Demel: Adel und Adelskultur in Bayern (Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. Beiheft; 32). München: Beck 2008;
65. Schultze, Johannes: Johann Sigismund. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 10, Duncker & Humblot, Berlin 1974, S. 475;
66. Schulze, Winfried: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung „Ego-Dokumente“. In: Winfried Schulze (Hrsg.): Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. (Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996. S. 11-30;
67. Schweikhart, G. Autobiographie und Selbstportrait in der Renaissance, Köln 1998;

68. Sprinker, M.: Fictions of the Self: The End of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / Ed. by J.Olney. Princeton, 1980.;
69. Stoiber, Edmund 60 Jahre Institut für Bayerische Geschichte. Die Bedeutung der Landesgeschichte für die Modernisierung Bayerns. In: Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. 70, 2007;
70. Thiele, Ernst Theodor: Das Gesandtschaftswesen in Preussen im 16. Jahrhundert, Musterschmidt Wissenschaftlicher Verlag, Göttingen, Frankfurt, Berlin. 1954.;
71. Ulrichs, Cord: Vom Lehnshof zur Reichsritterschaft – Strukturen des fränkischen Niederadels am Übergang vom späten Mittelalter zur frühen Neuzeit (Liste des Kantons Steigerwald von 1529, StAM GHA II. Nr. 211 a.E.). Franz Steiner Verlag Stuttgart, Stuttgart 1997;
72. Weintraub K. J.: The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago; London, 1978.;
73. Winterling, Aloys: Historische Anthropologie (= Basistexte, Band 1). Steiner, Stuttgart 2006.;
74. Wischermann, Clemens (Hrsg.): Die Legitimität der Erinnerung und die Geschichtswissenschaft / Clemens Wischermann (Hrsg.). Steiner, Stuttgart. 1996;